Арвендейл. Нечистая кровь. Книга 2. Корни Тьмы

Автор:
Юлия Злотников

Арвендейл. Нечистая кровь. Книга 2. Корни Тьмы

Юлия Владимировна Остапенко

Роман Валерьевич Злотников

Арвендейл #6

Продолжение романа «Арвендейл. Нечистая кровь»!

Прошло пять лет после воцарения Яннема в Митриле. Брайс служит при нем Старшим Лордом-советником. Между братьями в целом царит согласие. Вместе они проводят в королевстве реформы, направленные на смягчение законов о нечистой крови и расширение связей Митрила с внешним миром. Но не всем в королевстве это нравится. При дворе формируется дворянская клика, которой претит новая политика и которую в качестве правителя не устраивают ни Яннем, ни Брайс. Чтобы пресечь зреющий заговор, братья готовы на самые неординарные шаги…

Роман Злотников, Юлия Остапенко

Арвендейл. Нечистая кровь. Корни Тьмы

© Злотников Р., Остапенко Ю., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Глава 1

– Скажите мне правду, – сказала Ингёр, дочь ярла Харальда Тьёдмурда с острова Даргор. – Ваш брат хороший человек?

Крутобокое судно широко раскачивалось на волнах, брызги пены перелетали через планшир, оставляя на палубе мелкие влажные пятна. Это нельзя было назвать ни сколько-нибудь сильным волнением, ни тем более приближением шторма, но Брайс все равно не получал от путешествия ни малейшего удовольствия. И дело было не только в качке – первые же проявления у себя морской болезни он успешно подавил с помощью магии – или непрерывно дующем северо-западном ветре, который только мешал их продвижению и заставлял гребцов вдвое сильнее налегать на весла. Брайс слышал глухие, раскатистые стоны с нижней палубы, монотонные, как гул моря, не смолкавшие ни днем, ни ночью. И ему просто хотелось как можно скорее снова оказаться на твердой земле, где не будет этой качки, этого ветра и этих стонов.

И этой женщины рядом, с ее слишком прямыми вопросами, отвечать на которые ему совершенно не хотелось.

– Нет, – ответил Брайс после довольно долгого и не особенно приязненного молчания. – Я не думаю, что мой брат – хороший человек.

Ингёр из династии Тьёдмурд отрывисто и сухо кивнула, словно именно это и ожидала услышать. Она была очень рослой (Яннему это определенно не понравится), сухощавой, со слишком крупными и недостаточно нежными для женщины руками. Однако по канонам и ее родного острова Даргор, и королевства Митрил, куда она направлялась, её можно было назвать красивой: высокие скулы, резкие точеные черты, холодные светлые глаза, густые рыжие волосы, заплетенные в две тугие косы. Брайс смотрел на нее и в который раз пытался угадать, понравится ли она Яннему. И чем дольше смотрел, тем яснее понимал, что, скорее всего, не понравится – вкусы на женщин у них совпадали

даже в большей степени, чем Брайсу хотелось. «Что ж, брат, – подумал он, – боги определенно обладают чувством юмора. Из нас двоих не только мне придется делать детей женщине, которую я бы предпочел вообще не видеть в своей постели».

– Благодарю вас за откровенность, – сказала Ингёр, обращая отсутствующий взгляд на пустынную гладь серой воды. Это был, по сути, их первый полноценный разговор наедине, и Брайса поначалу слегка удивило, как эта женщина сразу пошла напролом. Дома, в Даргоре, она вела себя тише воды ниже травы. Но там она находилась под властью отца и братьев – положение женщин в племени даргорян нельзя было назвать завидным. Однако она все же дочь ярла, дочь северных островов, и, пожалуй, считает себя более достойной уважения, чем мужчина из любого народа, живущего на суше.

Да уж, милая. Несладко тебе придется в Митриле.

– Вы не вполне меня поняли, – сказал Брайс. – Я не могу утверждать, что Яннем хороший человек. Но назвать его плохим тоже не могу. Вы дочь правителя и должны понимать, что обычные понятия морали не распространяются на королей. И Яннем не исключение.

– Вы его брат. Вы, возможно, единственный, кто знает его как человека, а не как правителя. Кому еще я могла задать этот вопрос?

– Я знаю его с обеих сторон. И давно перестал пытаться его судить. Или понять.

– Я слышала, что вы с ним довольно близки. Вы единственный, кому он доверяет. Специально для вас он ввел в Митриле новый титул – Старшего Лорда-советника, и…

Брайс коротко рассмеялся. Ингёр замолчала и бросила на него короткий злобный взгляд – решила, что он смеется над ней. Да, этой девице палец в рот не клади. Но это ненадолго, к несчастью для нее.

– Да, я Старший Лорд-советник Митрила. А также главнокомандующий митрильской армией, хотя мы уже пять лет не ведем войн. Но я бы не сказал, что наш владыка король доверяет мне, леди Ингёр. Куда правильнее сказать, что его недоверие ко мне значительно меньше, чем ко всем остальным людям в

мире.

– Вы ведь хотели поднять против него мятеж, – сказала Ингёр почти обвиняюще.

Брайс пожал плечами.

– Да, хотел. Хотя все не так просто, это давняя и довольно запутанная история.

– Расскажите мне. У нас много времени, – потребовала она, и Брайс улыбнулся:

– Нет. Вы очень смелы, моя леди, и, я вижу, довольно пытливы. Но хоть вы и станете вскоре моей королевой, всегда будет то, о чем вы никогда не узнаете. И таких вещей будет много. Вам стоит сразу свыкнуться с этой мыслью. К тому же разве на Даргоре жена ярла требует от своего мужа и его братьев отчета в их действиях?

Он был мягок с ней, даже слишком. Возможно, стоило сразу же одернуть ее, указать, где ее место, – все равно это сделает Яннем, и пусть она лучше будет к такому готова. Но почему-то Брайс не мог быть с Ингёр грубым, несмотря на ее вызывающий взгляд, слишком высокий для женщины рост и недостаточно маленькие руки. В нем все еще слишком живо отдавалось воспоминание о рыжеволосой девушке, молчаливой, не поднимающей глаз, которую отец вывел за руку и заставил опуститься перед Брайсом на колени на виду у сотен людей, которые были ее собственным народом. «Возьми эту женщину, она твоя», – сказал ярл Харальд, и это звучало чертовски странно, учитывая все обстоятельства. Брайс ответил, следуя ритуалу: «Я, Брайс Митрильский, беру эту женщину для своего брата, короля Яннема. Она моя, и я клянусь доставить ее к будущему мужу в целости и сохранности. Да помогут мне в этом Светлые боги». Потом он протянул руку, и жрец островитян разрезал его ладонь, Брайс сжал кулак и окропил своей свежей кровью низко склоненную голову Ингёр. Кровь была почти не видна на отливающих медью волосах. «Она моя», – повторил он, и это было так странно.

Снова им с Яннемом приходится делить одну женщину на двоих.

Причина, впрочем, на этот раз была весьма прозаична – обычаи островитян Даргора запрещали незамужней женщине путешествовать морем, если ее не сопровождал отец, брат, муж или брат мужа. Последний, чтобы получить такое

право, должен был пройти соответствующий ритуал и принести клятву. Брайса позабавила формулировка этой клятвы – он принимал женщину и просто обещал, что затем передаст ее своему брату. Но, насколько Брайс знал полудикие обычаи даргорян, эта клятва его, в сущности, ни к чему не обязывала. Он мог оставить женщину себе, правда, для этого ему пришлось бы вступить с братом в смертную схватку и убить его. Так что ярл отдавал Брайсу свою дочь со спокойным сердцем – все знали, что принц Брайс когда-то уже вел кровавую вражду со своим братом Яннемом и они могли десять раз убить друг друга из-за трона, власти, магии, но так и не сделали этого. Что уж тогда говорить об угрозе раздора из-за какой-то женщины. Тем более если она такая худая и слишком высокого роста.

– Знаете, мой лорд, я ведь совсем одна, – сказала Ингёр. – Меня продали, как кобылу, за двадцать пять сундуков золота. Продали вам и вашему брату. Возможно, так принято у вас в горах, но на Даргоре браки обычно заключаются иначе. Мы вступаем в союз, чтобы объединить сильные семейства и кланы, чтобы получить воинов и корабли, чтобы заручиться поддержкой на тингах. Но наши мужчины не покупают женщин за золото.

– Однако покупают за него воинов и корабли, – возразил Брайс. – В чем разница?

– Если вы действительно не понимаете, мне вам не объяснить, – с презрением сказала Ингёр и отвернулась от него.

Брайс смотрел какое-то время на ее острый надменный профиль. И впрямь, та еще норовистая кобылка. А может, Яннему даже и понравится. Он что-то совсем в последнее время зачах. Все его фаворитки перед ним лебезили, ничем не отличаясь от куртизанок и шлюх, с которыми он развлекался, когда был еще только принцем, всего лишь третьим в очереди на трон и самым нелюбимым сыном их властного отца. Потом была Серена. А после… Впрочем, не важно. Ингёр права: когда пришло время выбирать для Митрила королеву, Яннем не думал об объединении семейств, престиже или укреплении королевской династии. Он думал только о золоте. И Брайс совершенно не мог его в этом винить. Они оба – единственные оставшиеся в Митриле особы королевской крови, а учитывая то, чем они занимались все пять лет, прошедших после восшествия Яннема на престол, кому-то из них определенно пришлось бы жениться на деньгах. Хотя Ингёр Тьёдмурд изначально была более чем сомнительным выбором – невеста не из Митрила, вообще не с материка, с какого-то никому не известного острова в Долгом Море, из племени грабителей

и пиратов, мнящих себя хозяевами вод. Еще несколько лет назад, пожалуй, ее причислили бы к «нечистой крови». Выбор Яннема многих потряс, многие были возмущены, а кое-кто даже и оскорблен. И Брайс знал, что последствия этого решения им придется расхлебывать еще долго. Но в то же время в глубине души он был рад, что подобный жребий выпал не ему.

– Леди Ингёр, что вы вообще знаете о Яннеме?

Она пожала плечами, старательно пытаясь выглядеть равнодушной.

– То, что рассказывал мне отец. И то, что говорили в народе. Он король страны, пять лет назад осмелившейся бросить вызов Империи людей. Между Митрилом и Империей произошла короткая кровавая война, в которой Митрил победил. Это случилось незадолго до гибели императора Карлита, а с императором Эонтеем, который сменил его на престоле Империи, Митрил заключил мирный договор. Отец говорит, что все это свидетельствует о большой военной силе Митрила, а также об искусности ваших дипломатов.

– Не знал, что даргоряне считают дипломатичность положительным качеством.

– Мы не считаем. У нас в чести лишь закон силы. Уловки, хитрость, ложь, компромиссы – это то, что унижает мужчин.

– А женщин?

– Женщину – тоже, если она даргорянка.

Брайс вздохнул.

– Вам придется трудно при митрильском дворе, моя леди.

– Я знаю, – холодно сказала она. – Потому и задаю вам вопросы, чтобы знать, к чему мне следует быть готовой.

– Вы не проживете долго, если будете продолжать в том же духе. Это вы понимаете?

Ингёр взглянула на Брайса искоса, но без страха.

– Значит, он все же скорее плохой человек, чем хороший.

– Этого я не говорил. Но он король. И больше всего на свете он ненавидит, когда ему перечат.

– Вы ему перечите постоянно.

– Да, и именно поэтому он меня арестовал, пытал и собирался казнить. И не скажу, что я этого не заслуживал.

– Эти шрамы, – Ингёр повернулась, встав спиной к борту, и посмотрела Брайсу прямо в лицо – так прямо, как на него давно никто не смотрел. – И ваши седые волосы. Сколько вам лет, около тридцати? И столько седины. Это он с вами сделал?

– Нет, – сказал Брайс. – Я сделал это сам.

Ингёр прищурилась, словно пытаясь поймать его на лжи, понять, что именно он скрывает от нее. Но Брайс не скрывал ничего. Вернее, ничего из того, что она все равно узнает рано или поздно, как королева Митрила и жена Яннема. Но в область знаний, доступных женщине столь высокого статуса, не входили знания о Тьме, темной магии и источнике, который когда-то поселила под Эрдамаром мать Брайса и который они уничтожили вместе с братом пять лет назад.

Шрамы, седина, искалеченная правая рука, вдесятеро снизившиеся магические способности – все это было частью расплаты Брайса только за собственные ошибки. Яннем за свои расплатился сам.

– Леди Ингёр, вы владеете магией?

Этот вопрос следовало задать раньше; по сути, нужно было это выяснить до того, как заключать с Даргором брачный договор. Яннем, разумеется, подсылал к Тьёдмурду шпионов, но те толком так ничего выяснить и не смогли. Даргоряне почти не пользовались магией, разве что в море, но поскольку никто из шпионов не сумел проникнуть на их корабли, это оставалось не более чем догадками. В

быту же магию они не использовали совсем. Отчасти магические элементы включались в ритуалы, проводимые даргорянскими жрецами, но по силе это была простая деревенская магия, на уровне заговоров и амулетов. Ингёр была дочерью ярла, но ярл – не король, он не проходит священный обряд коронации, Светлые боги не возлагают на него свои длани и не наделяют его и его потомство исключительной магической силой. Во всяком случае, Брайсу хотелось на это надеяться. Потому что Яннем – первый и единственный из человеческих королей, не владеющий магией совсем, ни на грош. И если окажется, что его норовистая жена более одарена в этом отношении… что ж, тогда Брайс и впрямь не мог поручиться, что она переживет первую годовщину супружества.

– Нет, не владею, – ответила Ингёр на его вопрос после долгого молчания. И, поколебавшись, добавила: – Почти не владею.

– Это хорошо. Дам вам совет: если все же владеете, никогда не показывайте этого при короле. После коронации ваши силы могут возрасти, но вы все равно должны сдерживаться и не использовать магию без самой крайней необходимости.

– Почему он не владеет магией? Что с ним произошло? Это проклятие или болезнь?

Умная женщина. И глупая девчонка. Проклятье, это опасно, когда и та, и другая уживаются в одном существе.

– Никогда не задавайте ему этот вопрос, – сухо сказал Брайс. – И помните: вы в относительной безопасности лишь до тех пор, пока не родите ему первенца. До этого он будет многое вам прощать, но если вы зайдете слишком далеко или не оправдаете его ожиданий, он без колебаний заменит вас на другую.

– Но все же его нельзя назвать плохим человеком, – ядовито бросила Ингёр, и Брайс спокойно кивнул:

– Как и хорошим. Но я могу заверить вас, моя леди, что он хороший король. Вы не могли не слышать от вашего отца, чем был Митрил пять лет назад. Мы жили еще более закрыто, чем вы, презирали всех, кто родился не на одной с нами земле – других людей, эльфов, гномов, идшей. Называли их «нечистой кровью»

и заставляли платить специальную подать, если они ступали на нашу землю. Яннем все это изменил. За пять лет он сделал больше, чем наши деды и прадеды посмели бы сделать и за пятьсот. Он отменил все пошлины на «нечистую кровь» и запретил само это понятие, а тех, кто нападает на чужеземцев или оскорбляет их публично, теперь наказывают плетьми. Яннем ввел свободный въезд в Митрил для всех рас и открыл торговлю, снял запрет на моления других народов и позволил идшам построить собственную молельню прямо в центре Эрдамара.

– Но ее сожгли, – тихо сказала Ингёр.

Брайс удивленно взглянул на нее – а девчонка осведомлена лучше, чем он полагал.

– Да, сожгли в первый же месяц. Расизм в нашем народе все еще силен. Но было бы странно, если бы многовековые предрассудки просто взяли и исчезли по щелчку пальцев, по королевскому указу. Это займет время. Но Яннем твердо намерен двигаться выбранным путем.

– Из-за вас? Потому что вы, его брат – полуэльф?

– Отчасти поэтому. Но только отчасти. Яннем не владеет магией, он не выигрывал войн – для него это делал я. Ему необходимо что-то, что сделает его монархом, равным нашему отцу и всем нашим предкам. То, чем он сможет запомниться и прославить свое имя в веках.

– И он решил пойти по пути разрушения, ломая все, что его предки строили до него?

– Вы как будто недовольны, моя леди. Не сломай Яннем эти предрассудки, дочь ярла с острова Даргор никогда бы не стала королевой Митрила.

– Кто вам сказал, что дочери ярла с острова Даргор этого хотелось?

Брайс усмехнулся. Пожалуй, эта дерзкая девочка ему по-своему нравилась. Нужно будет поговорить с Яном, чтобы обходился с ней помягче, хотя бы поначалу.

– Как бы там ни было, вам стоит это ценить. Так же, между прочим, как мы с моим братом ценим честь, оказанную нам вашим отцом.

– Вы лжете, мой лорд. Вам не нужна эта честь, вам нужны только наши деньги.

– Заработанные вами в грабежах и пиратстве, – улыбнулся Брайс. – Моя гордая леди, только не стройте из себя несчастную жертву циничных варваров. Вы такие же варвары, как и мы, только вы с моря, а мы – с гор. И наш король, в отличие от вашего ярла, осознает нашу ограниченность, нашу дикость и что-то пытается изменить.

– Но не слишком-то в этом преуспел, верно? Экономические реформы, которые затеял король Яннем, пока что не привели Митрил к процветанию. Наоборот, скорее, разорили казну. Потому вам и нужно даргорское золото. Он бы даже из идшей взял себе жену, ведь у них еще больше золота. Но это было бы уж чересчур, ведь еще пять лет назад идшей жгли на кострах за то, за что митрильцев всего лишь били палкой по пяткам. Так что вы с его величеством все обсудили и нашли разумный компромисс. Разве не так?.. Почему вы так на меня смотрите? – резко спросила Ингёр, и Брайс, медленно улыбнувшись, сказал:

– Да вот думаю, не стоит ли немного подрезать ваш остренький язычок, пока Яннем не озаботился этим сам. Я бы, во всяком случае, сделал это нежнее, чем палачи Лорда-дознавателя.

– Что ж, попытайтесь.

Брайс шагнул к своей будущей невестке и положил ладонь ей на плечо, укрытое меховой накидкой. Ингёр напряглась, но не отступила и не попыталась отстраниться. Брайс нагнул голову, приблизив к невесте брата свое изрытое старыми шрамами лицо. Придворные маги-целители обещали, что со временем станет лучше, и действительно стало, но не намного. Брайс знал, что вот так, вблизи, на расстоянии поцелуя, женщины больше не млеют перед ним, как когда-то. И почти всегда закрывают глаза.

Ингёр Тьёдмурд глаза не закрыла.

– Было бы лучше, если бы он предназначил вас мне, – сказал Брайс. – Я бы вас не обидел. Дал бы вам время.

– Что ж, может, еще не поздно переиграть? – усмехнулась Ингёр и в этом нервном смешке впервые выдала свои настоящие чувства.

Она напугана. Чертовски напугана. И это правильно. Так она дольше протянет в том змеином кодле, куда он ее везет.

– Увы, – сказал Брайс, убирая руку с ее закаменевшего плеча. – Переигрывать тут нечего. Я женат. А Митрилу нужно даргорское золото. Так что выбора у вас нет, моя леди, как и у моего брата. И поверьте, он рад этому не намного больше, чем вы.

Плавание продлилось две недели. Затем еще неделю они передвигались по суше, от северо-западного побережья Долгого моря через земли Империи людей, через равнины и холмы к Митрильским горам. Их не задерживали – Митрил и Империя заключили бессрочное перемирие, которое, впрочем, само по себе было для Яннема той еще головной болью, – но и никаких пышных встреч и почестей не оказывали. Для Империи Митрил был теперь чем-то вроде отдаленного независимого лена, который однажды войдет в состав Империи, на оговоренных условиях и не прямо сейчас, а пока что можно просто отвернуться и сделать вид, будто этого лена вовсе нет. И так же Империя относилась к народам, населявшим мелкие острова, рассыпанные вдоль северного побережья и воевавшие преимущественно с орками и друг с другом. На материк даргоряне не лезли. Ими правили вполне мудрые вожди.

Всю дорогу Брайс разделял трапезу с будущей королевой, отвечал на ее вопросы, порой дерзкие и нелепые, порой умные и точные, и искренне старался сделать все, чтобы подготовить ее к тому, что ей предстоит.

Но сам оказался совершенно не готов к тому, что предстояло ему.

Они пересекли границу Митрила в последний день зимы. Их встретила делегация из Хронатоса, ближайшего к заставе приграничного города. Встреча была пышной, хотя на Даргор Брайс ездил с совсем небольшой свитой, да и королева Ингёр привезла с собой мало слуг (это было одним из требований Яннема, который в каждом чужеземце упорно видел потенциального шпиона). Так что когда их обступила толпа разодетых придворных вместе с сотней воинов почетного караула, бурно приветствуя на митрильской земле принца Брайса и будущую королеву, Брайс сразу понял: что-то произошло. Их задержали в

Хронатосе под тем предлогом, что нужно перековать всех лошадей, сбивших подковы во время путешествия через скалистую равнину; устроили недельный пир, на котором городской глава постоянно и упорно пытался его напоить… А когда пришло время трогаться в путь, оказалось, что почетный эскорт возрос с одной сотни воинов до трехсот. Якобы для охраны драгоценных двадцати пяти сундуков, набитых золотыми слитками – приданого Ингёр Тьёдмурд. И хотя Брайс с трудом мог представить, каким разбойникам в здравом уме могло прийти в голову напасть на их кортеж, даже ради такой немыслимо богатой добычи, городской глава Хронатоса елейным голосом заверил его, что это исключительно меры предосторожности. «Меры предосторожности», – повторил про себя Брайс, не в силах справиться с нарастающей тревогой. Что же случилось? Яннем, проклятье, что ты снова творишь?

За пять лет, прошедших с того дня, когда они оба, израненные и отчаявшиеся, дали бой источнику Тьмы под замком Бергмар и одержали победу, Брайс все чаще задавал этот вопрос. И все чаще – лишь мысленно.

Когда они приблизились к столице на полсотни лиг, он уже знал. Никто не говорил ему; Брайс просто знал, потому что могла быть только одна причина, почему Яннем снова ведет себя так, словно перестал ему доверять.

В столице их приветствовали в меру пышно и в меру радостно: далеко не все одобряли странный выбор короля. Однако, островитянка или нет, королева родит Митрилу наследника, а это в любом случае повод выпить. Так что встреча прошла довольно неплохо, женщины кидали ранние весенние цветы под копыта коня Ингёр – подснежники и эдельвейсы, принесенные с верхних горных плато. Ингёр топтала цветы копытами коня, строгая, неулыбчивая, со спадающими на грудь рыжими косами поверх меховой мантии. Люди кричали ей вслед «Королева! Это наша королева!», и Брайс видел, что она им нравится.

Хотел бы он, чтобы и ему самому в происходящем нравилось хоть что-то.

У замка стоял почетный караул. Наконечники алебард, ставших парадным оружием Митрила после грандиозной победы у перевала Конрада, сверкали на весеннем солнце. Когда процессия ступила на подвесной мост, соединявший замок Бергмар с городом через провал ущелья, Брайс увидел Яннема. Тот стоял у самых ворот замка, его королевская мантия ниспадала до пят, на поясе висел церемониальный меч в тяжелых ножнах, зубья короны сверкали на солнце так же, как и лезвия алебард. Через разделявшее их расстояние Брайс видел, что

его брат улыбается, и также видел, что эта улыбка натянута и фальшива.

Брайс спешился в самом начале моста, сделал Ингёр знак спешиться тоже. Протянул руку, не глядя на Ингёр, и она молча вложила ему в ладонь свои крупные холодные пальцы. Он провёл ее по мосту, и почетный караул трижды вскинул алебарды, приветствуя их победным гортанным кличем.

Яннем по-прежнему улыбался, глядя, как они подходят ближе.

Когда их разделяло три шага, Брайс остановился. Преклонил одно колено, и Ингёр вторила его примеру.

– На оба, – сказал ей Брайс, почти не разжимая губ.

Ингёр чуть заметно вздрогнула – так, что едва шевельнулся ворс ее меховой накидки. Мгновение поколебавшись, преклонила второе колено. Опустила голову.

– Мой король, – сказал Брайс, слыша, как звук его голоса подхватывает и разносит эхо над ущельем. – Я привез твою невесту.

Все эти годы он упорно продолжал нарушать церемониальный протокол – вот и теперь опять заговорил первым, хотя по этикету ему следовало дождаться приветствия короля. Улыбка Яннема на миг стала настоящей. Но только на миг. Он шагнул вперёд, взял Брайса за плечи и поднял с колен.

– Благодарю тебя, брат мой, – сказал он, даже не взглянув на стоящую на коленях дочь ярла с острова Даргор. – Ты принес мне радостную весть. Я счастлив, что могу ответить тебе тем же.

Яннем медленно, нарочито, на глазах у наблюдающих за ними солдат, свитой и толпящимся за его спиной двором, обнял своего младшего брата и прижал к груди, как и всегда, защищенной стальным панцирем. Брайс ощутил, как выбитая на панцире чеканка и гербовые цветы из листового железа царапают ему грудь.

– Прими мои поздравления, – сказал король Яннем. – Неделю назад твоя жена родила тебе сына.

Глава 2

«Слишком худая, – подумал Яннем. – Плоская, как доска. Хотя ее мать родила девятерых сыновей, порода должна быть хорошей. Но она рыжая. Тьма забери, рыжая!» Он терпеть не мог рыжеволосых женщин. В этот цвет чаще всего красились шлюхи, которых он посещал в те казавшиеся невообразимо далекими времена, когда старшие братья, Клайд и Рейнар, таскали его по борделям. Хотя с тех прошло не больше семи или восьми лет. С тех пор Яннем питал к рыжим женщинам глухое, необъяснимое отвращение. На портрете, который ему показали, когда он принимал решение о сватовстве, Ингёр Тьёдмурд казалась темной блондинкой. А даргорский посол заливался соловьем, божась, что у дочери ярла волосы цвета спелой пшеницы. Хотя Яннем мог бы уже тогда сообразить, что этот дурак с бесплодных скальных островов просто нигде не мог видеть спелую пшеницу.

Ладно. В конце концов, главное, чтобы она поскорее нарожала ему сыновей. Получать удовольствие от процесса ни ему, ни ей при этом совершенно необязательно.

– Что ж, – вполголоса проговорил Яннем. – В целом мне нравится то, что я вижу.

Ингёр – что за жуткое имя, в самом деле, язык же сломать можно – стояла перед ним, все еще в своих варварских мехах – лисьих, судя по цвету шерсти, что лишь подчеркивало неприятную рыжину ее собственных волос. Высокая, даже слишком, еще и голову задирает так высоко, точно намерена прожечь взглядом собственного будущего супруга. Любопытно. Яннему не терпелось поскорее остаться наедине с Брайсом и расспросить его во всех подробностях о поездке, о его впечатлениях от дочери ярла и ее родичей – как они приняли его, как были настроены и, самое главное, за каким демоном им вообще сдался этот брак. Они утверждали, что ради престижа – Ингёр была младшей дочерью ярла, так что, выдавая ее замуж на чужбину, ярл жертвовал не слишком многим, но в то же время получал уникальную для островитян возможность породниться с истинным королевским родом. Действительно ли ярл Харальд настолько

тщеславен, и стоила ли в его глазах такая честь двадцати пяти сундуков с золотом? Яннем задумчиво оглядывал эти сундуки, с распахнутыми крышками стоящие вдоль стен и занявшие все место Малого зала по периметру, словно изощренные вульгарные украшения. Столько золота… слишком много золота за одну плоскогрудую рыжеволосую девчонку. И как раз достаточно, чтобы решить на время проблемы митрильской казны.

Если бы это было все, Яннем, пожалуй, смог бы взять себя в руки и унять неотступно преследующие его подозрения. Но это было не все.

У каждого сундука стоял воин: не меньше шести футов роста, блестящий бритый череп, пустой взгляд, крепко сжатые челюсти, бугрящиеся мускулы на обнаженном торсе (и не малейших признаков, будто кому-то из них холодно в сыром зале, где сам Яннем сидел в соболиной мантии поверх королевского облачения). У каждого на бедре – кривая сабля, которую даргоряне использовали во время абордажа вражеских судов. Эти воины звались авраддилы – элитный отряд личной стражи ярла. Туда отбирали самых крепких и свирепых детей, всегда побеждавших в уличных драках, проводили через десять лет беспощадного обучения в особом корпусе, а когда им исполнялось двадцать и они доказывали как свою доблесть, так и свою верность, допускали до охраны правителя. Этот отряд, числом двадцать пять воинов – ровно по числу сундуков с золотом, – Харальд Тьёдмурд отправил своему будущему зятю в качестве свадебного подарка.

Яннем прекрасно бы обошелся без такой милости со стороны своего тестя. Просто прекрасно обошелся бы, честное слово. Он не верил им ни на грош – ни Харальду, ни его рыжей дочери, ни этим воинам, которые могли прибыть сюда не затем, чтобы охранять его от врагов, а совершенно с обратной целью. И об этом тоже Яннему страшно не терпелось поговорить с Брайсом. Вот только…

Вот только у Брайса теперь есть сын. Наследник мужского пола. А у Яннема, его короля, все еще нет.

И что стоило Катрионе разродиться хотя бы двумя неделями позже? Да, срок подошел, но бывает же, что женщины перенашивают детей, так почему эта сука не могла оказать подобной любезности своему деверю и монарху? Тогда бы это не грызло Яннема так беспощадно, и он, как и прежде, целиком доверился бы Брайсу и обсудил с ним все, что его тревожило.

А теперь не мог. Из-за этого маленького щенка, которого сучка Глендори родила от его младшего брата.

Так. Ладно. Сейчас не стоит об этом думать, а то он начнет терять хладнокровие. Хладнокровие, неспешность и осмотрительность были единственным, что позволяло ему все еще сохранять и власть, и рассудок.

– Они немы, не так ли? – спросил Яннем у Ингёр, и та кивнула:

– Им отрезают языки на первом году обучения. Тем, кто показывает, что действительно подходит для этой службы и достоин ее.

– И как же это проверяют?

– Мальчики шесть месяцев живут и тренируются в казармах все вместе. Потом им дают приказ вернуться домой и убить одного из своих братьев или сестер. Если нет братьев и сестер, то другого родственника, деда или бабку, в крайнем случае – одного из родителей. Если они отказываются, их отпускают. Если нет, им отнимают языки и они становятся авраддилами.

– Любопытно, – сказал Яннем, оглядывая неподвижных воинов с возрастающим интересом. – Бессмысленное варварство, но очень любопытное. И что, многие из мальчиков успешно проходят такую, хм… инициацию?

– Среди тех, кого изначально отобрали – восемь из десяти.

– Где вы только находите столько диких волчат? – улыбнулся Яннем, и Ингёр спокойно ответила:

– Остров Даргор полон доблестных мужей.

«Доблестных мужей, готовых просто так убить сестру или брата, только для того, чтобы стать немым рабом своего вождя. Доблестней некуда», – подумал Яннем. Мда, лорд-Пресвитер был, пожалуй, прав, когда рьяно отговаривал его от этого брака. Но сделанного не вернешь, королевское слово нельзя дать, а потом взять назад. Да и двадцать пять сундуков золота манили своим тусклым блеском, обещая простое решение если не всех, то многих забот. Яннем

вздохнул и рассеянно потер лоб под тугим обручем короны – за пять лет он так и не нашел времени отдать ее ювелиру на растяжку, чтобы не так давила.

– Эти воины выглядят впечатляюще. Но они присягали не мне, а вашему отцу. Они умеют писать?

– Разумеется, нет, – прекрасная леди Ингёр была, кажется, изумлена подобным предположением. Яннем тоскливо подумал, а умеет ли писать и читать она сама.

– Тогда им будет несколько сложно принести мне личную присягу. Если ни говорить, ни писать они не смогут, как они дадут мне клятву верности?

– Они клялись отдать свою жизнь за Тьёдмурдов. А значит, и за меня, ваше вели… – начала Ингёр, и Яннем перебил ее:

– В том-то и дело, моя милая. За вас, а не за меня.

Она осеклась. В ее больших светлых глазах – единственное, пожалуй, что в ней вообще было привлекательного, – отразилось удивление. Казавшееся искренним, и девочка слишком молода, чтобы быть опытной лицемеркой, но все же…

– Ваш брат взял меня из дома моего отца, чтобы отдать вам. Я ваша. Значит, и мои авраддилы – тоже ваши.

– У вас так просто и однозначно все звучит, радость моя, – вздохнул Яннем. – Вот станете королевой, тогда поймете, что во дворцах жизнь несколько сложнее, чем в хлеву.

– Я родилась и выросла не в хлеву! Я дочь ярла острова Даргор и…

– Молчать, – вполголоса сказал Яннем.

Ингёр задохнулась. Светлые глаза полыхнули гневом. Яннем снова ощутил укол любопытства, а вслед за ним – вновь острое желание как можно быстрее поговорить с Брайсом. Сесть в креслах друг против друга, вытянув ноги в камину, взять по бокалу доброго вина, открыть ему душу, выслушать его советы,

вспомнить прошлые дни, посмеяться вместе, а потом так же вместе принять верное решение…

Но у Брайса теперь есть сын.

Яннем на мгновение сцепил зубы и тотчас же расцепил их. Тяжело уперся обеими руками в подлокотники трона, как делал всегда, и поднялся на ноги. Немногочисленная свита, стоящая за троном (на этом небольшом полуофициальном приеме, устроенном королем для его невесты, присутствовало совсем немного свидетелей), тревожно зашевелилась. Все придворные, приближенные к Яннему достаточно, чтобы находиться в Малом зале в этот миг, знали его достаточно хорошо. И боялись его достаточно сильно.

– Мне придется самому испытать верность этих воинов. Их личную верность мне. Я надеюсь, вы не против, моя леди.

– Разумеется, ваше величество, – сказала его невеста.

Она опустила голову и, кажется, слегка дрожала. Но от страха или от гнева, Яннем бы не смог с уверенностью сказать.

Он усмехнулся краем рта и сошел со ступеней трона. Заложил руки за спину, прохаживаясь мимо шеренги замерших воинов. Их бритые черепа и намазанные медвежьим салом торсы блестели в свете свечей. Словно рабов выбирает на рынке. Так глупо. Яннем остановился напротив одного из воинов, самого рослого и, как ему показалось, свирепого. Попытался поймать его взгляд, но воин упорно пялился в стрельчатый проем окна у короля над головой. Яннем ощутил укол раздражения, вызванный необходимостью смотреть на воина, задирая подбородок, и это поспособствовало окончательному решению.

– Ты, – он повернул голову к воину, стоящему рядом. Указал на мрачного великана пред собой и добавил: – Убей его.

Он не смотрел на свою невесту и не слышал, чтобы она охнула или хотя бы вздохнула. А может, ее вздох потонул в тихом ропоте, поднявшемся среди свиты – и тут же улегшемся. Ингёр тут впервые, но те, кто давно живет при дворе, знают своего короля и готовы к любым его выходкам. Почти к любым. Самое главное всегда заключалось в этом «почти» – быть достаточно жестким и

беспринципным, чтобы держать их в постоянном страхе, и достаточно непредсказуемым, чтобы они не воображали, будто страх можно преодолеть.

Что ж, сегодня он преподаст им очередной урок. Все сложилось вполне удобно, если вдуматься.

– Он не понимает, да? – Яннем повернулся к рыжей островитянке и подарил ей одну из своих самых милостивых и обаятельных улыбок. – Но вы отлично говорите на нашем языке, моя леди. Непременно отправлю письмо вашему отцу с признательностью за то, что он позаботился так хорошо вас подготовить. Будьте любезны, переведите, что я сказал.

Ингёр произнесла несколько коротких слов ничего не выражающим голосом. Воин, стоящий рядом с рослым авраддилом, обреченным Яннемом на заклание, выступил вперед. Обнажил меч, взмахнул им. Великан, не сделав даже попытки защититься, вообще не шелохнувшись, окровавленным мешком рухнул к ногам короля.

Яннем отступил на шаг от растекающейся по мраморным плитам темной лужи. Поддернул край своей соболиной мантии, ниспадающей к самому полу.

– Не могли бы вы повторить эти слова, моя леди? Хочу их выучить, – попросил он, все так же улыбаясь, и Ингёр проговорила медленно и четко, выговаривая каждое слово и глядя ему в глаза: «Кархан эктеб».

– Кархан… карх-хан… эктеб… – Яннем прилежно повторял до тех пор, пока она не кивнула, словно учитель, удовлетворенный ответом ученика. Яннем поблагодарил ее очередной улыбкой. Обогнул мертвое тело и вновь пошел вдоль шеренги, скользя взглядом по одинаковым невыразительным лицам с пустыми глазами.

На сей раз он выбрал наугад. Просто досчитал до десяти и остановился. Толкнул стоящего перед ним воина в обнаженное плечо, привлекая его внимание. И когда пустой взгляд светлых, как у всех северных островитян, глаз обратился на него, Яннем выговорил громко и раздельно, чеканя каждый слог:

– Кархан эктеб.

И указал на Ингёр, дочь ярла Харальда с острова Даргор.

В зале стояла тишина. Свита не издавала больше ни звука. «Хорошо, что тут нет Брайса, – подумал Яннем. – Он мог бы вмешаться, особенно если эта девчонка ему понравилась. А она наверняка ему чем-то да понравилась, иначе он бы не допустил, чтобы она оказалась так близко от меня. Значит, он уже хоть немного доверяет ей».

Но это не имело значения.

Воин-авраддил, клявшийся в верности династии Тьёдмурдов, обнажил меч и пошел вперед, на застывшую посреди зала невесту короля.

– Стоять! – отрывисто выкрикнул Яннем. – Ингёр! Как его остановить?

– Харрат, – отозвалась она сиплым, севшим от ужаса голосом. – Хар…рат.

– Харрат!

Воин застыл в шаге от девушки, с занесенным над головой мечом. Медленно опустил руку.

– Значит, он поклялся в верности твоему роду, – сказал Яннем, подходя ближе.

Ингёр бросила на него взгляд, такой же пустой и остекленевший, как взгляд воинов-авраддилов. Она успела проститься с жизнью за эти несколько мгновений, но не кричала, не плакала и не молила о пощаде. Просто готовилась принять свою судьбу, как истинная дочь островов. И как поступила бы истинная дочь гор на ее месте.

А может, это не такой уж и плохой выбор.

– Они клялись служить моему отцу, – выговорила Ингёр наконец. – Мой отец подарил их вам. Теперь они ваши. Я же… я же уже объяснила.

– Лучше один раз увидеть воочию, чем выслушать самые подробные объяснения, – любезно ответил Яннем.

А потом шагнул вперед, взял в руку ледяные пальцы своей невесты, поднес к губам и поцеловал так нежно, как только мог. Так, как не целовал, наверное, ничьи пальцы, с тех пор как…

Стоп. Остановись на этом, Яннем. Харрат.

– Прости меня, – чуть слышно сказал он, и когда она вздрогнула, поднял голову и улыбнулся – уже не только ей, но и свите, выдохнувшей за троном. Буря миновала, они знали это; они знали своего короля.

– Мне не нравится ваше имя, моя леди, – сказал Яннем уже громче, чтобы услышали все. Глаза Ингёр расширились, и он добавил: – Оно слишком неблагозвучно на языке Митрила, который отныне будет вашим новым родным языком. Мы сочетаемся браком как можно скорее, затем вы будете немедленно коронованы и взойдете на трон под именем королевы Ингери. И я уверен, что вы станете славной королевой. Двор полюбит вас. Двор уже любит вас. Я прав?

Свита одобрительно зашумела. Яннем снова улыбнулся оторопевшей Ингёр – теперь уже Ингери, отныне и навсегда, – и повел ее за руку из зала мимо аплодирующих придворных.

Несколько слуг за их спинами выждали, когда король и его невеста окажутся на пороге, прежде чем принялись убирать труп, лежащий посреди Малого зала в луже крови.

Они действительно сочетались браком как можно скорее, и Яннем немедленно короновал свою королеву – прямо в день свадьбы. Теперь это имело еще больше значения, чем прежде.

Сразу после венчания он отдал приказ о позорном изгнании за пределы Митрила придворного мага-лекаря, клявшегося ему, что леди Катриона, урожденная Глендори, супруга принца Брайса, беременна дочерью. Яннему очень хотелось казнить этого ублюдка, вселившего в него обманчивую надежду, но он сдержал порыв: не стоило осквернять собственную первую брачную ночь необдуманным убийством. Так что маг еще легко отделался, за что, безусловно, не уставал благодарить Светлых богов, нахлестывая осла, на котором его с позором

выпроводили за городские ворота.

Девочка, говорил он. Да, сир, я уверен. Нет, сир, вы можете совершенно не беспокоиться.

А вот теперь у него есть все в мире основания для беспокойства, не правда ли? Если Ингери как можно быстрее не родит сына и ему тоже.

Свадьбу справили достаточно пышно, хотя и немного суетливо, но народ остался доволен, двор в целом тоже, да и Яннем в конечном счете рассудил, что все прошло не так уж плохо. Брачная ночь не принесла ему особых сюрпризов: разумеется, его жена оказалась девственницей и, разумеется, лежала под ним как бревно, отвернув голову к стене. У Яннема никогда прежде не было девственниц, но он старался не причинять ей лишней боли, в чем, впрочем, не особенно преуспел. Когда он поднялся, откидывая выпачканную в крови простыню, королева Ингери схватила ее край, натянула на обнаженные бедра и повернулась на бок, сворачиваясь в клубок. Яннем поднял свечу, оглядывая сжавшуюся на брачном ложе жену. В тусклом предутреннем сумраке волосы Ингери совсем не отливали рыжиной, а отблеск свечей бросал на них блики, казавшиеся скорее золотыми, чем медными. У нее была такая же гибкая спина и тонкая талия, крутые бедра, и со спины она была почти похожа… впрочем, нет. Совершенно не похожа.

Серена исчезла пять лет назад, в одну ночь, ничего не сказав ни Яннему, ни кому-либо из тех, кто жил с ней рядом. Он перерыл весь Эрдамар, приказал Лорду-дознавателю разослать шпионов по всему королевству, пытаясь ее найти. Будь главой над шпионами по-прежнему лорд Дальгос, возможно, это и привело бы к желаемому результату. Но Яннем убил лорда Дальгоса собственными руками, а его преемник, лорд Морнингем, хотя и неплохо справлялся со своими обязанностями, но не обладал необходимым опытом и не умел раскидывать свои сети так далеко и широко. Что ж, за все в жизни приходится платить – за все сделанные выборы и все принятые решения. Серена исчезла, и Яннем никогда больше ее не видел. Но вспоминал о ней всякий раз, когда ложился в постель с любой другой женщиной. Включая и собственную жену.

Он постоял еще немного над неподвижной Ингери, понимая, что она не спит, потом беззвучно вздохнул и вышел из спальни, направляясь в смежный кабинет. Он знал, что тоже сегодня не уснет; бессонница в последние годы стала его неизменной спутницей. Завтра надо позвать перед сном Брайса, пусть немного

поколдует – Яннему требовалось хотя бы несколько часов сна, пусть и не каждый день. И его брат был единственным, кому он мог доверить напустить на него сонные чары; да вообще любые чары.

Во всяком случае, так было до сих пор.

И в какой момент все полетело к демонам? Сложно сказать. В действительности, проблемы у них начались сразу, когда они вернулись из столицы Империи людей, где убили императора Карлита, о чем, разумеется, никто так и не узнал. Требовалось срочно заключить перемирие с новым императором, но это также отняло изрядно времени, поскольку прямого наследника Карлит не оставил, и еще почти два года имперские герцоги провели в грызне и дрязгах, пока на престол наконец не сел император Эонтей. Он не то чтобы жаждал воевать с Митрилом и не то чтобы не мог спокойно спать, пока Митрил сохранял независимость, но Брайс разорил несколько имперских поселений, и это не могло остаться совершенно безнаказанным. Переговоры были долгими и непростыми и в результате увенчались столетним перемирием, по окончании которого новый король Митрила должен был принести вассальную присягу Императору людей. Сто лет – долгий срок, и все прекрасно это понимали, но такой договор позволил сохранить лицо обеим сторонам, в то же время формально оставляя Империю в выигрыше, а Митрил – якобы склонившимся наконец перед своим могучим и опасным соседом.

– Через сто лет мы оба умрем, – сказал тогда Брайс довольно беспечным тоном. – И, скорее всего, Эонтей умрет тоже. Возможно, к тому времени исчезнет сама Империя, и всем материком будут править орки, а может, все захватят темные твари, и Светлые расы исчезнут вообще. Мы этого не знаем. Но что мы точно знаем – что Империя не попрет больше к нам за время твоего правления и даст тебе без помех осуществить все задуманное.

Это была достаточно спорная позиция, отчасти безответственная – хороший король смотрит вперед не на годы и не на десятилетия, а на столетия. Но Брайс был безусловно прав в том, что, если не найти компромисса сейчас, у Яннема не будет ни десятилетий, ни даже лет или месяцев.

А он твердо решил использовать все отведенное ему время с максимальной пользой, сколько бы его ни было.

Смежный с королевской опочивальней кабинет прежде носил название Малой приемной, где король принимал наиболее приближенных придворных и удостаивал тайных аудиенций тех, с кем предпочитал переговорить с глазу на глаз. Яннем сделал там небольшую перестановку, распорядившись убрать мягкие диваны и заменить их тяжелым дубовым столом и полками, заваленными свитками и книгами. Ему часто не спалось, и лучше всего время до рассвета убивалось за чтением, но не отчетов Лордов-советников и подведомственных им царедворцев, а старых, громоздких, тучных трактатов в дорогих переплетах из кожи, часть которой, как знал Яннем, когда-то принадлежала разумным существам. Дикая традиция подчеркивать ценность книги, переплетая ее в кожу людей, или гномов, или эльфов, а затем покрывая сверху золотым тиснением и украшая драгоценными камнями, пришла из тех времен, когда на весь Митрил книг водилось не больше десятка. И те, кто писал эти книги, не растекались мыслью, а выражались предельно четко, донося до потомка свои примитивные, но от того не менее мудрые знания с холодной жестокой прямотой, делавшей их особенно ценными и практичными.

Одну из таких книг очень любил король Лотар, отец Яннема и Брайса. Яннем заключил это, во-первых, по тому, насколько истрепан и засален был переплет из человеческой кожи, насколько замызганы и затерты страницы, и особенно по тому, как много рукописных заметок, сделанных неаккуратным корявым почерком, пестрело на полях. Лотар ценил знания, которые черпал из той книги, но не саму книгу, беспечно оставляя прямо на драгоценных страницах собственные, не менее драгоценные размышления. Когда Яннем случайно наткнулся на этот фолиант в дворцовой библиотеке несколько лет назад, то сперва не поверил своим глазам. Он не был уверен, что его отец вообще умел прочитать что-либо, кроме собственного имени, когда его требовалось начертать под очередным указом. Но, похоже, Яннем знал его еще хуже, чем полагал до сих пор.

Эта книга и теперь лежала на столе, раскрытая на середине. Яннем сел за стол, немного отодвинув подсвечник, чтобы не закапать воском страницы, подпер голову кулаком и привычно нырнул в историю, рассказанную много веков назад митрильцем по имени Кавандий Эрер.

«Владыка мира», так называлась эта история. Более чем познавательное чтиво для короля.

За пять лет, которые Брайс занимал пост Старшего Лорда-советника – высший титул в Митриле после королевского, – Яннем обсуждал с ним, кажется, все: стратегию внешней политики и дипломатических отношений с другими державами, дискриминацию «нечистой крови», экономические реформы, правила придворного этикета и, разумеется, их браки (хотя последняя тема была крайне неприятной им обоим и чуть ли не единственной, из-за которой они по-настоящему ссорились). Но эту книгу, «Владыку мира», Яннем с Брайсом не обсуждал никогда. Брайс даже не знал о ней. Потому что Яннем заранее знал все, что брат ему скажет. «Тебе виднее, – сказал бы он, – ты умеешь смотреть вперед и всегда видишь дальше меня. Но если хочешь знать мое мнение, Ян, то это прямой путь к тому, чтобы стать тираном. Еще хуже отца».

Именно это бы Брайс и сказал, Яннем знал его достаточно хорошо, чтобы это предвидеть. Так к чему пустые разговоры и не менее пустые споры? Яннем хотя и нуждался в советах брата, хотя и верил ему больше, чем кому-либо другому на свете, но всегда были, есть и останутся вещи, которые он не может делить ни с кем. И у Брайса, Яннем не сомневался, такие вещи тоже есть. После уничтожения проклятого меллирона в подземелье под Бергмаром они ни разу не говорили о магии Тьмы. Брайс не желал обсуждать свою темную сторону, Яннем не желал обсуждать свою. Это было честно.

«Первое, что следует усвоить тому, кто станет владыкой мира: будь он хоть лучшим из всех живущих когда-либо под сенью Светлых богов, ему все равно придется пролить реки крови», – так начинался трактат почтенного мэтра Кавандия Эрера. Трактата, зачитанного королем Лотаром – а вот теперь и королем Яннемом – едва не до дыр. И почти все содержимое этой полезнейшей книги развивало, доказывало и подкрепляло практическими примерами этот главный тезис.

Яннем знал, что власть строится на крови. Это никогда его не пугало и не смущало: кровь он проливал легко, порой даже слишком легко, хотя никогда не испытывал от этого удовольствия. Кровь – средство, а не цель. И существовали определенные ограничения – например, Яннем оставался до странного щепетилен во всем, что касалось крови собственных родичей, и эта была главная причина, почему Брайс до сих пор жив. Но все равно он знал, что для того, чтобы удержать власть, следует внушать страх, а чтобы внушать страх, следует либо вершить чудеса, либо беспощадно разить врагов и непокорных. Вершить чудеса Яннем не умел, так что у него оставался только один путь – именно тот, который и описывал мэтр Кавандий. А вслед за ним – и король

Лотар.

«Принимая законы, способные вызвать недовольство в народе, владыка мира должен позаботиться о том, чтобы отвлечь внимание, перевести взор народа с большого на малое», – писал мэтр Кавандий, а король Лотар добавлял к этому своими корявыми, точно птичьей лапой накарябанными буквами на полях: «Праздники и казни. Чем выше налоги, тем ниже цены на вино».

«Когда народ сомневается во владыке мира, пусть владыка мира сам создаст видимость бедствия, а затем подарит своему народу избавление от тягот», – писал мэтр Кавандий, а Лотар добавлял на полях: «Фальшивый мятеж в провинции, жестоко подавить, зачинщика казнить, остальных показательно помиловать».

«Владыке мира надлежит обращаться к народу, как к малым детям, ибо народ и есть дитя малое, неразумное, доверчивое и злое», – писал Кавандий, и Лотар соглашался: «Говорить, как с детьми, пороть, как детей, дарить бессмысленные подарки, как детям».

Читая о бессмысленных подарках, Яннем блекло улыбнулся. В детстве его нередко пороли по приказу отца, но из подарков он мог вспомнить только невероятно уродливого деревянного коня, которого у него сразу же отобрал старший брат Клайд, да меч, преподнесенный Яннему при всем дворе в день его первой охоты. Яннем всю жизнь не любил лошадей и мечи, предпочитая ходить пешком и стрелять из арбалета, и лишь теперь осознал, почему.

Но его отец был прав, хоть они никогда и не ладили. И теперь, через годы после его гибели, Яннем наконец-то получал от него наставления об управлении государством, которых ему так не хватало при отцовской жизни. С чем-то он не соглашался, что-то переделывал под себя и под текущие нужды страны, бразды правления которой принял, не понимая тогда, какой нелегкой окажется эта ноша. Но во многом, очень многом, он прислушивался и к Кавандию Эреру, и к своему отцу.

Казни и праздники. Чем выше налоги, тем ниже цены на вино. Даже фальшивый мятеж – в городе Веррене, чей городской глава уж больно давно и сильно возмущался тем, как хлынули в Митрил «нечистокровные». Яннем лично потом съездил в Веррену, полюбоваться на его голову, торчащую на пике над стеной.

Остальных «зачинщиков», конечно, помиловал. А потом устроил праздник и снизил цены на вино. И за всем этим практически незаметным прошло заключение того самого сомнительного перемирия с Империей людей, по условиям которого Митрил обещал склониться перед Империей через сто лет. «Так это когда еще будет, нам все равно не дожить. А мятеж-то вот подавлен прямо сейчас, и вино рекой льется уже сейчас. Славься, король Яннем!» – так говорили люди, а пташки Лорда-дознавателя исправно доносили своему хозяину их каждое слово.

Яннем не собирался становиться владыкой мира. Он не был излишне амбициозен, Митрила ему более чем достаточно. Но Митрил он держал в кулаке. Который сжимал с каждым годом, медленно, очень медленно. Очень осторожно.

«Лягушку живьем лучше всего варить на медленном огне», – писал мэтр Кавандий, и эти слова король Лотар, не комментируя на полях, просто подчеркнул жирной, красной, как кровь, чертой.

Однако Яннем все равно не считал себя тираном. Да, он сам устраивал фальшивые мятежи, и доносы на оклеветанных «заговорщиков», и казни по этим доносам. Да, он пошел по стопам отца также и в том, что методично расчистил пространство вокруг себя практически от всех действительно умных, волевых и принципиальных людей, оставив рядом только тех, в ком ум и принципиальность сочетались с беззаветной верностью. По сути, таких осталось только двое: Брайс и лорд Фрамер, бессменный Лорд-защитник королевского величества. Хотя во Фрамере Яннем тоже сомневался временами. Остальные были не более чем пешки, марионетки, чье истинное предназначение состояло в том, чтобы создавать иллюзию хотя бы минимальной власти, сосредоточенной в руках митрильской аристократии. Ибо совсем задвинуть аристократию в угол не может позволить себе ни один монарх – постольку, поскольку именно в руках аристократии сосредоточена армия. Да, формально армия присягала королю, а подчинялась главнокомандующему, то есть Брайсу; но каждый из знатных аристократических митрильских домов испокон веков содержал личную гвардию. Которую, разумеется, вассалы предоставляли в распоряжение своего сюзерена-короля по первому приказу, но с тем же успехом могли обратить и против него. Впрочем, пока они действовали поодиночке, никакой угрозы это представлять не могло. Однако Яннем не раз ворочался в горячей постели до утра, представляя, что будет, если они вдруг объединятся. Хервесты с Олниберами. Дарейны с Вагертенгами. Шадлейны с Глендори… Никто из них не представлял опасности для королевской власти сам по себе, но если они забудут

собственные старые, испокон веков тянущиеся дрязги и объединятся против него… А они могли. Именно теперь и именно против него, короля-калеки без способностей к магии, хотя и с недурственными способностями к управлению страной.

Ибо вся эта старая аристократия, уходившая корнями в бесплодные тысячелетние горы Митрила, была именно той, кто взрастил и взлелеял догму нечистой крови. Ту самую догму, которую Яннем объявил вне закона.

Он сделал это, разумеется, не в один момент. Он был осторожен. Они с Брайсом обсуждали это часами, днями и ночами, спорили, ругались, но в конечном итоге принимали общие решения, лучше которых Яннем не придумал бы один. И да, они отменили налог на нечистую кровь для идшей, эльфов и гномов – но оставили требование лицензий для ведения торговли на территории Митрила, как, впрочем, и для всех людей с чужих земель. Да, они стали выводить финансы за пределы Митрила, вкладываться в предприятия Империи и Подгорного царства (отношения со Светлым лесом наладить пока что не удалось). Но у короля все еще оставались натянутые отношения с идшами, а ведь именно в их руках сосредоточены огромные средства, множество предприятий завязаны на поставках от идшей или их ссуд, и это сильно ограничивало возможности по ведению дел вне Митрила. Да, Яннем объявил полную свободу веры и позволил идшам возвести в Эрдамаре молельню, а когда взбешенная этим группа горожан (подзуживаемых, как он достоверно знал от шпионов, людьми лорда Айвора Глендори) разгромила и сожгла молельню, сделал вид, что не сумел отыскать виновных, и им все сошло с рук. И да, когда торговые запоры на границах пали и впервые в истории в Митрил хлынул поток недорогих изысканных товаров извне, это привело в восторг и задобрило потребителей роскоши – зажиточных купцов и аристократию, а когда от этого пострадали местные производители роскоши, Яннем задобрил их снижением налогов. Он лавировал между старой аристократией и новыми купцами, поднявшимися и разбогатевшими на оживившейся торговле, между клириками и иноверцами, между теми, кто превозносил его, и теми, кто ненавидел – и это было дьявольски тяжело. Не раз и не два лодка его правления наскакивала на мель или налетала на скальные пороги, едва не разбиваясь в щепки. Но Брайс был рядом, и он помогал: он тоже стоял у руля и держал второе весло. Яннем знал, что они ступили на путь преобразований, который не будет ни коротким, ни легким. И что пройти этот путь они смогут только вместе.

Поэтому когда стало ясно, что клика старой аристократии, возглавляемой лордом Айвором Глендори, не даст ни обмануть себя, ни задобрить, и что эта клика никогда не смирится со сломом тысячелетних догм – тогда-то Яннем и решил породниться с мятежным родом, связав с ним свою семью узами брака. Сперва это показалось ему весьма удачной идеей. Лорд Айвор держался не слишком нагло, выступал против короля не слишком открыто и в то же время постепенно собирал вокруг себя достаточно много согласных с ним сторонников. Так что скинуть его с доски одним щелчком Яннем просто не мог – на месте поверженного смутьяна тут же возник бы кто-то другой. И ведь нельзя же, в конце концов, перебить всю старую аристократию, даже если бы и очень хотелось. Поэтому Яннем после долгих раздумий решил не драться с волками в собственном дворе, а приручить их. Превратить в свирепых, покорных его воле псов.

Глендори состояли в отдаленном родстве с правящей династией, но лишь по материнской линии – прабабка лорда Айвора приходилась сестрой королю Арнольду, правившему Митрилом в прошлом столетии. Так что династический брак с этим семейством не просто укрепил бы связи, но и определенно успокоил недовольство. Если бы Яннем сам женился на одной из женщин Глендори, у них появилась бы надежда, что представитель их рода однажды взойдет на престол. Это был мудрый ход, и все бы прошло как по маслу, если бы Яннем мог забыть Серену. Проклятую, вероломную шлюху Серену, бросившую его без объяснения причин пять лет назад. Единственную женщину, которую он когда-либо любил.

Династические браки не имеют ни малейшего отношения к любви, и все же Яннем допустил, вероятно, свой первый большой просчет: он поддался застарелой тоске, проявил малодушие и не женился на Катрионе Глендори сам, а подсунул ее Брайсу. Тогда это казалось ему прекрасным стратегическим ходом: Глендори все равно породнятся с правящей династией, но не подберутся к трону слишком близко, а амбициозный лорд Айвор не посмеет потребовать себе место в Совете, как смог бы на правах королевского тестя. Он будет всего лишь тестем королевского брата, его полководца, первого советника и наиболее доверенного лица – а это тоже очень немало.

– Он на этом не успокоится, – упрямо сказал тогда Брайс. – Это же не то, что ему нужно, как ты не понимаешь? У моих сыновей от леди Катрионы не будет никаких прав на трон.

– Будут, сразу же после тебя, – возразил Яннем. – Ведь я еще не обзавелся наследниками, после меня ты – первый в списке. А твой сын, если он родится, будет вторым.

– И тебя это нисколько не беспокоит? – пристально глядя на него, спросил Брайс, и Яннем безмятежно улыбнулся:

– Нет. Нисколько.

К тому времени он уже успел устроить тщательный допрос придворному магу-лекарю, который прежде пользовал семейство Глендори. И тот заверил его, что, поскольку леди Катриона родилась в первый день месяца Змеи и год Василиска, когда солнце стояло напротив Звезды Тритона, она совершенно точно никогда не сможет родить наследника мужского пола.

Об этом Яннем Брайсу, разумеется, не сказал. И чувствовал себя последним ублюдком, предателем, просто мразью, когда стоял за его плечом на венчании, а потом обнимал, поздравляя со свадьбой и желая счастья ему и его молодой жене, на которую Брайс почти не смотрел.

Впрочем, даже знай Брайс о пророчестве мага-лекаря, он бы все равно вряд ли отказался. Они спорили об этом целый месяц, пока Яннем не вышел из себя и не сказал: «Довольно, Брайс! Ты женишься на Катрионе Глендори. Это приказ».

Брайс взглянул на него в упор: осунувшееся, изрытое старыми шрамами лицо, поблекшие глаза под падающей на них седой прядью. Ему тогда было двадцать четыре года, но он выглядел по крайней мере на десять лет старше. Старше Яннема, пожалуй.

– Слушаюсь, мой король, – сухо сказал он и действительно повиновался. И не вернул братское объятие на свадьбе, когда Яннем неискренне пожелал ему и его жене много сильных здоровых сыновей.

Но боги, похоже, решили сыграть с Яннемом злую шутку. Или просто наказать его за самоуверенность и за то, что вновь, в который уже раз, использовал своего брата. Леди Катриона, урожденная Глендори, родила ребенка ровно через год после свадьбы, и это оказался сын. Брайса в это время не было в Митриле – Яннем отправил его на остров Даргор за своей собственной будущей

женой. Вот так-то, он отказался от знатнейшей митрильской девицы, чтобы всего через год все же позволить захомутать себя островной дикарке, которая даже не привлекала его как женщина. А девица Глендори, словно в насмешку, еще и родила мальчика. Сильного, здорового, родившегося уже с пушком черных волос на голове. Вырастет – наверняка будет похож на отца.

Яннем бросил взгляд за окно: уже рассвело. Он захлопнул книгу и убрал ее в ящик стола, повернул ключ в замке. И позвонил Лорду-хранителю, веля готовить утренний туалет и одевание, а затем позвать Лорда-казначея.

Лорд-казначей – сейчас этот пост занимал престарелый лорд Дортах, – явился на зов своего короля. Поскольку старик был почти совершенно слеп, хотя и, бесспорно, мудр, его повсюду сопровождал секретарь – маленький юркий Ракхан бен Ивваш, таскавший за лордом Дортахом тяжелую суму с бумагами и писавший отчеты под его диктовку. То, что на такой пост был назначен идш, разумеется, тоже мало кому понравилось. С другой стороны, секретарь мало чем отличается от слуги или пажа, так что на это в конце концов стали смотреть сквозь пальцы.

– Доброе утро, лорд Дортах. Как ваши колени? – приветствовал Яннем старого придворного, и тот, кряхтя, кое-как согнулся в поклоне.

– Доброе утро, сир. Намного лучше, благодарю вас. Присланный вами придворный лекарь изготовил для меня чудодейственную мазь, облегчившую мои муки, – сказал Дортах, корча страшные гримасы боли. Яннем смотрел на него с искренним сочувствием. Ему было жаль старика – совсем сдал, надо будет все же отправить его на покой. И обсудить с Брайсом при первой возможности, кем его можно заменить.

– Садитесь у камина. От окна сегодня дует. Я велю принести вам вина.

– О, сир, вы всегда так добры. Да будет ваше правление бесконечно долгим и благостным, – прошамкал старик, погружая свои тощие телеса в бархатное кресло. Ему принесли вина, он выпил и тотчас заснул, оглашая приёмную короля дребезжащим храпом. Яннем смотрел на него какое-то время с почти сыновьей нежностью. Ему правда нравился этот старик – от него никогда не выходило никаких хлопот.

Яннем повернулся к идшу, смиренно стоящему коленопреклоненным у двери, и нетерпеливо махнул рукой.

– Встань, Ракхан, сколько раз повторять, чтобы бросил эти глупости, когда мы не на людях. У нас дел невпроворот. Ты уже распорядился осмотреть даргорское золото? Обмана нет?

– Никакого обмана, сир, – ответил Ракхан бен Ивваш, проворно поднимаясь с колен и подходя к столу. Он деловито вынул из сумы несколько свитков и разложил перед королем. – Я составил полную опись слитков с указанием их точного веса и стоимости согласно текущему курсу золота на рынке Империи, с учетом временных колебаний, вызванных волнениями в герцогстве Агдрагил.

– Как ты думаешь, этого хватит, чтобы покрыть дефицит в казне?

– Вполне, сир. И даже с лихвой. Однако следует заметить, что качество некоторых слитков…

«Я женился на деньгах», – думал Яннем, слушая бойкий говорок маленького идша, который и был его настоящим казначеем. Именно Ракхан бен Ивваш носил в неприметном полотняном мешочке у пояса казначейскую печать, тогда как в бархатном мешочке на поясе лорда Дортаха лежала не имеющая законной силы подделка. «Да, я женился на деньгах, а что мне еще оставалось? Я заставил Брайса породниться с нашим самым опасным врагом. Он выполнил мою волю более чем полно, даже полнее, чем мне бы хотелось, и тут же принялся плодиться и размножаться. Ну а я, чтобы не отставать, наполнил золотом казну, опустевшую от наших слишком резких и кардинальных реформ. Мы оба пожертвовали своей свободой во благо Митрила. Да. Только сын и наследник теперь есть у Брайса, а не у меня.

И я верю тебе, брат, видят Светлые боги, верю больше, чем себе самому, но что нам с этим делать теперь?»

Глава 3

– Где мой сын?

Леди Катриона вздрогнула всем телом и вскинулась, неловко пытаясь приподняться на пухлых подушках. Фрейлина, сидевшая в изножье ложа и растиравшая опухшие за время беременности ноги леди Катрионы, вскочила и тут же присела в поклоне. Брайс бросил на нее раздраженный взгляд – окружение жены нравилось ему не больше, чем она сама, – и повторил громче и резче:

– Я спросил, где мой сын.

– В детской, мой лорд, – пробормотала фрейлина, не поднимая глаз. – С кормилицей.

– Я разве к вам обращаюсь, леди Аллена? Или моя жена за время моего отсутствия лишилась языка?

Леди Катриона вжалась в подушки. Светлые боги, как же Брайса бесило, когда она так делала. Он ни разу не поднял на нее руку, ни разу не оскорбил – ни при людях, ни наедине. И все же она постоянно дрожала перед ним, отворачивалась, сжималась в комок, а иногда даже начинала молчаливо реветь, и тогда ему хотелось просто убить ее. Он возненавидел ее с того момента, как надел ей на палец обручальное кольцо, хотя прежде при дворе, изредка встречая ее на балах, не испытывал к ней никакой неприязни – он попросту ее не замечал. Ее нельзя было назвать уродливой – самое обычное, заурядное личико с мелкими невыразительными чертами. Но Брайсу она почему-то напоминала крота, с этими маленькими, почти всегда прикрытыми глазами и невыразительно-серыми волосами. Пугливый подземный зверек, торопящийся нырнуть в нору при виде солнца. За год их мучительного для обоих брака Брайсу до смерти надоело выковыривать ее из этой спасительной норы, чтобы исполнить супружеский долг. Тьма ее забери.

– У меня… у меня нет молока… мой лорд, – прошептала его жена, и ее маленькие невыразительные глаза водянисто-голубого цвета наполнились слезами.

Нет. Только не это. Если она сейчас опять заревет, он начнет ломать мебель.

Брайс круто повернулся и подошел к двери в соседнюю комнату, распахнул ее толчком. Прежде там находился будуар его жены, а теперь там поставили колыбель – видимо, чтобы супруга Старшего Лорда-советника могла спокойно почивать ночью, не потревоженная детским плачем. Кормилица – дородная краснощекая женщина из простолюдинок – сидела у колыбели, оголив необъятную грудь и приложив к ней младенца. Брайс шагнул вперед и остановился, внезапно охваченный не то чтобы робостью, но странным ощущением, словно он грубо вторгнулся в обитель святыни, прервав священное таинство.

Кормилица подняла на него глаза – спокойно, без страха, улыбнулась без суетливости. Брайс подошел и остановился в шаге от нее, глядя на маленький красный комок в толстом шелковом коконе. Ему говорили, что его сын родился с черными волосами, но сейчас проверить это было невозможно из-за слоя пеленок. Брайс видел только, что ребенок крупный, розовый и, похоже, здоровый.

– Как… как он? – с трудом выговорил Брайс, почему-то ужасно робея перед этой толстощекой простолюдинкой, и та ответила спокойно, не понижая голос:

– Хорошо, мой лорд. Я забочусь о нем. Он хорошо ест. Желаете подержать?

Брайс качнул головой. Возможно, позже… Он вышел из детской. Его жена села в постели, отбросив парчовое одеяло, и зябко куталась в пеньюар. Леди Аллена все так же стояла у ее постели, преданно, словно собака, сложив на талии руки и опустив голову.

– Выйдите вон, – приказал Брайс, и фрейлина, поклонившись, подчинилась.

Брайс какое-то время разглядывал сжавшуюся на постели жену. За время беременности она набрала вес и обрюзгла, но это его не слишком огорчило – он и прежде не испытывал к ней ни малейшего притяжения. Он даже опасался, сумеет ли консуммировать брак, но в нужный момент подключил фантазию, благо таинство брачной ночи свершалось в полной темноте, и все прошло как по маслу. Брайс прилежно выполнял свой долг до тех пор, пока Катриона не забеременела – к счастью, это произошло всего через несколько месяцев, – и с тех пор ни разу не прикасался к своей супруге, к несказанному облегчению для обоих. Она боялась его – он не знал, было ли дело в его репутации, его власти,

или, может, в его изуродованном лице. Впрочем, эрдамарские куртизанки, скрашивающие Брайсу одинокие ночи, особого отвращения к нему не проявляли. Как-то одна из них даже отказалась брать с него деньги. Он усмехнулся этим мыслям, и Катриона, понятия не имевшая, о чем думает ее муж, приняла это на свой счет и осмелилась робко улыбнуться.

– Я рада, что вы вернулись, – пробормотала она.

Эта женщина никогда не говорила громко и вслух – нет, только шепот, бормотание, хныканье. Он даже не представлял, как звучит ее голос в нормальном состоянии. Да, она была до полусмерти запугана собственным отцом, об этом слухи ходили еще до их помолвки, но, черт возьми, Брайс не думал, что сам заслужил подобное отношение. Рядом с ней он чувствовал себя кровожадным чудовищем, хотя не давал к этому ни малейших оснований.

«Как же она отличается от Ингёр… то есть Ингери. Полная противоположность», – подумал он и усмехнулся снова. И снова Катриона не поняла значения этой усмешки и не заметила мелькнувшей в ней горечи.

– Да, я тоже рад, – сказал он, стараясь немного смягчить тон. – Не люблю море. Я еще не поблагодарил вас за подарок, который вы мне преподнесли, пока я сам ездил за подарком брату. Спасибо вам, моя леди.

Он протянул руку, и его жена, поколебавшись, вложила ему в ладонь короткие толстые пальчики. Совсем не такие, как у королевы Ингери, снова некстати подумалось Брайсу, когда он сухо поцеловал руку жены и тут же ее отпустил.

– Просите у меня все, что пожелаете, – любезно сказал он, как сказал бы любому придворному, оказавшему ему услугу.

Катриона покраснела, что совершенно не шло к ее округлившемуся лицу. Потупилась, и Брайс опять испытал прилив беспричинного раздражения. Светлые боги, жена бесит его даже в тот момент, когда он должен испытывать к ней самые теплые чувства. Ведь она только что подарила ему сына…

И, если начистоту, не это ли было подспудной причиной его отвратительного настроения? Хотя Брайс боялся признаться в этом даже самому себе. Он мужчина и принц королевской крови. Мужчина и принц должен быть счастлив,

когда у него рождаются сыновья.

– Мне ничего не надо, кроме вашего милостивого расположения, мой любезный супруг, – прошептала Катриона.

Брайс вздохнул. Как та злая ведьма из сказки, она требовала единственное, чего Брайс не мог ей дать.

– Я никогда и не лишал вас моего расположения, – сказал он, и она вздрогнула от этой лжи, так что ему на мгновение стало по-настоящему стыдно.

Они помолчали, слушая висящую между ними тяжелую тишину, которую ничто не могло заполнить или смягчить. Потом Катриона тихо спросила:

– Вы уже выбрали имя для нашего сына? Я… – она умолкла, и Брайс спросил:

– Вы – что?

– Я думала… может быть… Гарольд? В честь моего деда…

– Ну а почему бы тогда сразу не Айвор, в честь вашего отца? – улыбнулся Брайс.

От этой улыбки, на сей раз намеренно ледяной, бедная леди Катриона задрожала, как заяц за миг до того, как в горло ему вопьются волчьи зубы.

– Простите… я… мне подумалось…

– Ваше дело – рожать детей, моя леди, а не думать. И с этой обязанностью вы справляетесь блистательно. Не стоит отягощать себя лишними заботами.

Ну вот и все, он успешно загнал пугливого крота назад в земляную норку. Прекрасно, Брайс. Ну как, сполна доволен собой? Он сцепил зубы, отворачиваясь и собираясь выйти, когда его жена подала голос из своей норы, глухой и едва различимый:

– Мой отец спрашивал, когда вы удостоите его аудиенции. Ему срочно необходимо вас видеть… мой любезный супруг.

Брайс коротко кивнул и вышел прочь.

Не знай он, какой панический страх его жена испытывает перед собственным отцом, был бы уверен, что она шпионит для него. Впрочем, в этом не было особой необходимости – роль шпионки при Брайсе вполне могла выполнять вездесущая леди Аллена или дюжина других фрейлин Катрионы, привезенных ею из родового замка Корстли. Яннем, разумеется, распорядился заменить почти всех, но в двух или трех они все еще не могли быть уверены и удалить их тоже не могли, потому что Катриона знала этих женщин с детства и была к ним слишком привязана. А лишать последнего утешения бедную женщину, глубоко несчастную в браке с ним, Брайс все же не решался. Они с Яннемом когда-то крепко поссорились из-за этого, и это был один из относительно нечастых случаев, когда Брайсу все же удалось настоять на своем. Яннем всегда прислушивался к нему, всегда принимал его мнение к сведению, но редко ему уступал.

Вообще их отношения за эти пять лет стали несколько… странными. Брайс не кривил душой, сказав леди Ингёр, что Яннем просто не доверяет ему менее, чем другим. Даже если сам Яннем считал иначе. Пять лет царствования изменили Яннема, и не в лучшую сторону. Он повсюду видел врагов, не выходил из собственных покоев без охраны, ел только в присутствии Брайса, полагаясь на его способность определить, не отравлена ли пища – в том числе магией Тьмы, ведь Яннем не понаслышке знал, что это весьма надежный способ незаметно убить человека. Вернувшись с Даргора, Брайс узнал, что за время его отсутствия Яннем ел только яйца, которые варили в его присутствии, и пил воду из родника в полумиле от замка, которую набирал сам. Не то чтобы у него не было совершенно никаких оснований для такой подозрительности – в первый год его правления, когда он только отменил закон о «нечистой крови», его действительно попытались отравить. И это не считая мнимого покушения, организованного его любовницей Сереной, о чем знал Брайс, но так и не узнал Яннем; так что, с точки зрения Яннема, его пытались убить даже не один, а целых два раза только за первый год. Тогда-то его подозрительность и начала тот опасный путь, который в конечном итоге привел молодого короля Митрила к чему-то, опасно напоминающему паранойю. Нет, с Брайсом у них все обстояло отлично: они вместе ели и пили, Яннем поверял ему все свои сомнения и идеи и никогда не подозревал в вероломстве или дурном умысле. Только не после того,

через что они прошли вместе в подземелье, когда израненный, харкающий кровью Яннем вел ослепшего Брайса, держа за плечо, через толпу наседающих на них темных тварей. Сильнее этого не могло быть ничто на свете, они знали это оба, и об этом им не требовалось говорить вслух. Но вот что касается всех остальных… Яннем был непримирим и беспощаден в своей нарастающей паранойе, рубил головы направо и налево, безжалостно уничтожал всякого, кто смел косо на него смотреть. Да, поначалу это казалось оправданным – уж таков народ Митрила, что понимает только язык боевой магии и грубой силы. Яннем не был чудовищем, но он слишком хорошо знал свой собственный народ. И разве не это делает правителя истинно великим? В конечном итоге каждый народ получает именно того монарха – благодетеля или тирана, о каком молит богов и какого заслуживает. Митрил заслужил короля Яннема, не больше и не меньше. И Яннем искренне хотел стать для своего народа благодетелем, а если для этого придется заодно стать и тираном – что ж, все имеет свою цену.

Но Брайса, однако, беспокоило то, каким Яннем бывал упрямым. Он не ждал, что брат станет во всем слушаться его советов, это случалось даже чаще, чем можно было ожидать, памятуя о маниакальном стремлении Яннема все делать самому. Иногда казалось, что он упирается чисто из принципа, просто чтобы не позволить Брайсу забыть, кто из них двоих все же король, а кто – всего лишь младший брат короля. Вслух они никогда это не обсуждали. Но годы шли, и Брайс ощущал медленно нарастающее, глухое неудовлетворение от такого положения вещей. Оно не имело смысла: он принял брата как своего сюзерена, не только из чувства долга, но и потому, что не хотел быть королем сам. И однако же мысль, что он на всю жизнь обречен остаться на вторых ролях, в тени трона, под сенью подавляющей воли старшего брата, отдавалась муторным ощущением в животе и горечью во рту. Брайс отчаянно тосковал по временам, когда они воевали с орками и имперцами, когда он вел армии через горы и равнины, крушил врагов, смыкал скалы и уничтожал армии. Не потому, что это давало ему чувство власти или овеивало героическим ореолом, заставлявшим толпу вопить и ликовать при его появлении. Просто тогда он ощущал себя хозяином собственной жизни. Он мог колдовать или биться на мечах в самой гуще сражения, мог повернуть на север или на юг, мог убивать императоров… А теперь все, что ему осталось – это сидеть по правую руку от своего венценосного брата на заседаниях Совета, имея решающее право голоса в тех случаях, когда мнения разделялись, да пить с ним вино в кабинете, сидя рядом у камина, беседуя по-дружески, небрежно, безо всякого официоза. И да, это не так уж мало… но это не то, совсем не то, чего он когда-то хотел.

«Было так жестоко поманить меня всем тем, что ты мне когда-то дал, а потом все это отобрать», – думал Брайс, но был ли такой упрек справедлив? Не по вине Яннема Брайс почти лишился способности к магии. Нет, конечно, он все еще мог колдовать. Мог наслать сонные чары на брата, когда того вконец замучивала бессонница, мог окутать королевский кабинет пеленой, защищающей от подслушивания, мог даже накинуть на свое лицо маску-иллюзию, благодаря которой от него перестала бы шарахаться собственная жена. Но он ни за что на свете не сумел бы больше сомкнуть скалу или удерживать трескающийся лед на поверхности озера. Брайс Митрильский все еще был магом, вполне неплохим, даже хорошим. Но больше не великим.

Такова оказалась его расплата за игры с Тьмой. Всё это – и еще пальцы на правой руке, укороченные на длину первой фаланги.

С лордом Айвором Глендори Брайс встретился в своих покоях. Он занимал целое крыло в восточной части замка, между королевскими покоями и комнатами, отведенными леди Катрионе. Была у него и собственная приемная, у порога которой, дожидаясь аудиенции Старшего Лорда-советника, часами топтались придворные – разумеется, не каждый день, а в строго оговоренное время. Брайса от всей этой придворной бюрократии просто тошнило. Но Яннем считал, что чем строже этикет, тем лучше он дисциплинирует придворных, служа пикантной приправой к острому блюду непреходящего страха. Брайс с ним не спорил. Он дьявольски устал от споров с Яннемом за эти пять лет, если уж начистоту.

Лорд Айвор, на правах близкого родственника, не топтался в прихожей, а прошел в приемную и в ожидании зятя потягивал вино из золоченого кубка. При появлении Брайса он поднялся на ноги, но не слишком поспешно – хоть Брайс и был выше его по положению, однако, будучи мужем его дочери, приходился ему вроде как сыном, потому обязан был проявлять сыновнюю почтительность к новоявленному «родителю». Брайс порой думал, что Яннем категорически не хотел сам жениться на Катрионе именно потому, что не вынес бы этой снисходительности от Айвора Глендори. Конечно, можно его просто казнить, но, Светлые боги, сколько можно рубить головы всем неугодным? Особенно если уж решил с ними породниться. Нет, Яннему пришлось бы терпеть эту едва заметную снисходительность, завуалированные поучения и немногословные упреки, на которые лорд Айвор, как представитель и неофициальный вождь старой аристократии, традиционалист и консерватор до мозга костей, был всегда так щедр. Не менее щедр, чем на тумаки для своей зашуганной дочери. Брайс

мечтал, как однажды вырвет из холеных рук тестя трость с малахитовым набалдашником и просто отходит его ею по спине как следует, от души.

Мда, что-то слишком уж часто его тянуло в последнее время на рукоприкладство и разгром мебели. Не слишком хороший знак.

– Приветствую вас, сын мой, и поздравляю от всего сердца с рождением вашего первенца, – елейно изрек лорд Айвор, неторопливо поднимаясь Брайсу навстречу, и раскрыл объятия.

Брайс опять сцепил зубы и вытерпел отеческую ласку, как и всегда, всякий раз готовясь, что, завершив объятие, лорд Айвор воткнет ему в спину отравленный нож. Айвору Глендори было немного за пятьдесят. Это был статный, совершенно седой мужчина с благородным лицом, наводившим на подозрения, не прижила ли его супруга леди Катриону от дворового конюха. Она ничем не походила на отца, так и пышущего здоровьем, силой и благородством. Брайс знал, что он мечтает о троне, все это знали, но лорд Айвор был слишком умен, чтобы надеяться свергнуть правящую династию, даже при поддержке старой аристократии, недовольной Яннемом. Он не собирался затевать мятеж, но продолжал оставаться костью в горле, подогревая неусыпное недовольство в своих сторонниках и не позволяя Яннему просто выдохнуть и править так, как он считал нужным. И после того как Глендори породнились с короной, это почти не изменилось, просто критика и нападки Глендори и его клики стали менее явными, вот и все.

Но что-то определенно изменится теперь, когда у Брайса есть сын. А у Яннема – все еще нет.

– Вы ведь удивлены не меньше моего, правда? – спросил Брайс, беря стоящий на столе графин с вином и наливая себе тоже. – И не меньше Яннема. Как и он, вы считали, что Катриона неспособна родить мальчика. Поэтому так легко согласились, чтобы она вышла за меня, а не за моего брата.

Лорд Айвор задумчиво сощурился, поглаживая набалдашник трости. В первые месяцы после брака он осторожно прощупывал почву, пытаясь выяснить, не появится ли теперь возможность привлечь Брайса на свою сторону, тонко используя зревшее в нем недовольство. Но очень быстро понял, что эти попытки тщетны, и бросил их. Теперь Брайс не сомневался, Глендори возобновит свои

поползновения. И был готов пресечь их в зародыше.

– Я так и знал, что вы обо всем осведомлены, сын мой, – протянул лорд Айвор, искоса поглядывая на зятя. – В самом деле, наш придворный маг-лекарь давно предупреждал меня, что моя дочь скорее всего окажется неспособна продлить наш род по мужской линии. Та же неведомая напасть поразила и ее мать, мою супругу. Как вы знаете, у меня нет сыновей, хотя я счастливый отец пяти прекрасных дочерей. И вам отдал прекраснейшую. Мое самое ценное сокровище.

– Которое вы лупили палкой за любую провинность, как и четыре остальных ваших сокровища, – сухо напомнил Брайс.

Лорда Айвора слегка перекосило. Брайс не давал себе труда играть в сыновнюю почтительность, когда они оставались наедине, хотя на людях свято соблюдал этикет – ради брата и отчасти ради Катрионы, а вовсе не ради этого склизкого гада, который называл его «сын мой» с таким видом, словно имел на это право. Брайсу не впервые подумалось, что лорд Айвор чем-то напоминает ему виконта Эгмонтера – то есть теперь уже герцога Эгмонтера, насколько он слышал. Та же елейность, скользкость, абсолютная безжалостность и неразборчивость в методах, когда доходит до достижения поставленных целей.

Но Эгмонтера Брайс в свое время одолел. Справится и с лордом Глендори.

– Прошу заметить, – проговорил лорд Айвор, – что ваш с Катрионой сын – единственный наследник мужского пола, родившийся от женщин Глендори за последние сорок лет. До этого последним был мой младший брат Кевин, умерший во младенчестве. Нам обоим, и вам, как отцу, и мне, как деду, надлежит беречь вашего мальчика, словно зеницу ока. Кстати, могу я узнать, как вы нарекли моего внука?

– Узнаете. На церемонии освящения, как и все. И я не вполне понимаю, на что вы намекаете, мой лорд. Уж не на то ли, что мой брат король может приказать удушить моего сына во сне?

– Ну что-о вы, сын мой, – протянул лорд Глендори, обвивая набалдашник трости длинными и сухими, словно паучьи лапы, пальцами. На костяшках виднелся сухой белый пух, лишь усиливавший подобную ассоциацию. – Все мы знаем, что для нашего славного короля родная кровь – превыше всего. Именно родная, а не

чистая…

– Только не начинайте сейчас, – предупредил Брайс. – Мы неоднократно обсуждали это, и я не желаю снова выслушивать ваши жалобы. Митрил изменился, и по-вашему уже никогда не станет. Смиритесь и оставьте меня наконец в покое.

– О, я смирился, – вздохнул лорд Айвор. – Что же еще остается. И в знак моего глубокого почтения прошу лишь о единственной милости. Испросите у короля позволение, чтобы ваш сын прошел обряд освящения в часовне Светлых богов, что находится в замке Корстли.

Брайс внимательно посмотрел на тестя.

– То есть в вашем родовом замке. Как интересно. Зачем?

– Затем, что, как я уже сказал, это великий день не только для правящей династии, в которой родилось новое поколение – пусть и не по прямой линии, – но и для рода Глендори. Если Светлые боги подарят нашему королю и его юной супруге сыновей, то вашему сыну, конечно, никогда не сесть на трон Митрила…

– Разумеется, – очень холодно сказал Брайс. – Как и мне.

– Но ваш сын совершенно точно наследует титул герцога Глендори. Я уже слишком стар, чтобы обзаводиться новой женой, которая, возможно, смогла бы родить мне сыновей.

«Да, а еще ты смертельно боишься кровной мести нынешней леди Глендори, если она тихо умрет в своей постели», – подумал Брайс, но вслух решил этого не говорить. Грубая прямота тоже имеет свои пределы, за которыми превращается не просто в хамство, а в глупость. Брайс терпеть не мог своего тестя, но не хотел делать его своим открытым врагом. Это только повредило бы и ему, и Яннему.

– Что ж, рад за моего сына, – проговорил он. – Он и принц Митрильский, и будущий герцог Глендори, и сын некогда самого сильного в Митриле мага, и племянник короля, который боится проливать родную кровь. Как же ему

повезло. Но я его отец, а вы – только дед. Поэтому он прежде всего принц Митрила, а только потом будущий герцог Глендори. И если вы воображаете, что я вам его отдам…

– Что это значит, сын мой? – потрясающе натурально изумился лорд Айвор. – Я вовсе не собираюсь его у вас отнимать! Я лишь прошу, чтобы вы и ваша супруга, моя любимая Катриона, а также, возможно, и его величество, почтили замок Корстли визитом. Обряд может провести сам Лорд-пресвитер. Я прошу, чтобы голову мальчика окропили священной водой на землях моего рода. Быть может, это нарушит горький сорокалетний уклад нерождения сыновей, поразивший мой род… У меня ведь есть еще дочери. Что, если Катриону удалось сломить лежащее на нас проклятие?

Брайс закусил губу. Отчасти такая просьба была и впрямь понятна. С другой стороны, замок Корстли лежит глубоко в горах, в самом верху плато Хельгери. Это один из наиболее неприступных замков в Митриле. Он прекрасно укреплен, и там стоит крупный гарнизон, – не считая вассалов лорда Айвора, которые по первому зову предоставят ему ополченскую гвардию. Может ли лорд Айвор использовать освящение младенца как предлог, чтобы выманить Яннема с Брайсом из столицы? С одной стороны – да. С другой – что это ему даст? У него нет ни формальных оснований, ни ресурсов для захвата власти. В Эрдамаре сильная армия, лорд Фрамер королю беззаветно верен, да и в своих генералах и капитанах Брайс, как маршал, не сомневался. Даже выманив их с Яннемом из столицы, лорд Айвор ничего этим не выиграет. Однако он может попытаться превратить свой родовой замок в ловушку для короля и его брата, такую возможность тоже нельзя исключать. Убить их обоих и посадить на трон короля-младенца, став при нем регентом… Звучит как полное безумие… почти… но только почти.

«Не на это ли он рассчитывал, выдавая за меня Катриону? Нет, он ведь думал, как и все, что она неспособна родить сына. Что-то здесь не сходится». Брайс молчал, делая вид, будто обдумывает просьбу тестя. Потом неохотно проговорил:

– Отчасти я вижу резон в ваших словах, мой лорд. С другой стороны, вы знаете моего брата короля. Очень вряд ли он даст такое разрешение.

– Именно потому я смиренно прошу вас на него повлиять. Видите ли, сын мой, наш милостивый монарх… он многих беспокоит в последнее время. Я говорю

сейчас не только о себе лично и о моем ближнем окружении, но и о многих других, о дворе в целом. Король перестал покидать замок. Он не встретил свою невесту у городских ворот, а только лишь на подвесном мосту замка. Он совершенно перестал выезжать на охоту, опасаясь покушения, подстроенного под несчастный случай. В ваше отсутствие он практически ничего не ел. Я говорил с лордом Вильгельмом, главой над магами-лекарями, и он разделяет мое беспокойство.

– Вы хотите сказать, лорд Айвор, что мой брат сходит с ума?

Эта мысль витала в воздухе последние несколько лет все более явно. И чем жестче Яннем пресекал слухи, чем чаще обрезал языки болтунам и ссылал, а то и казнил сплетников, тем сильнее такие слухи крепились и ширились.

И, проклятье, разве это не логично? Разве Брайсу порой и самому так не казалось, когда он смотрел на Яннема, сидящего у камина с кубком вина в руке, с сухо и болезненно блестящими от многодневной бессонницы глазами?

Что тебя гложет, Ян, что пожирает? Что это за тьма внутри тебя, о которой ты даже мне не говоришь? Я ведь когда-то рассказал тебе о своей.

– Нет, сын мой, я не утверждаю, что наш король безумен или близок к безумию. Но ему определенно не повредит перемена места. Никогда не меняющиеся стены давят, даже если они родные. Король может взять с собой сколь угодно большое войско, любую охрану. Да хоть бы этих диких воинов-авраддилов, которых подарила ему королева Ингери… за что, бедняжка, едва сама не поплатилась.

Брайс поморщился. Он не присутствовал при «испытании» авраддилов, но ему в красках передали произошедшую сцену, и Брайс едва удержался, чтобы не наорать на Яннема позже, когда они остались наедине. Но Яннем выглядел таким напряженным, настороженным и потерянным, что Брайс решил не перечить ему лишний раз. Ингери осталась жива – пока что, – и слава Светлым богам. Удерживать разящую руку Яннема на заносах – часть работы Брайса, в конце концов.

– Я попытаюсь, – сказал он наконец. – Но не обещаю вам ничего.

– Катриона тоже была бы рада съездить домой, увидеть мать и сестер, – добавил лорд Айвор, и вот тут уже едва не перекосило самого Брайса. Лорд Глендори прекрасно знал, до чего неудачно сложился брак, знал, что Брайса из-за этого мучает совесть, и никогда не упускал случая на этом сыграть.

– Я сказал, что обдумаю этот вопрос. Вы свободны, мой лорд! – отрывисто сказал Брайс и коротко кивнул – не поклонился отцу жены, ни в коем случае, скорее, жестом отпустил надоедливого просителя.

Он отвернулся к двери спиной и не видел взгляда, который послал ему его тесть, выходя из приемной. Не видел, но чувствовал спиной. Как отравленный нож в спину.

Однако Брайс действительно передал Яннему просьбу лорда Айвора – просто для того, чтобы тот знал, чего следует ожидать.

И испытал без малого истинное потрясение, когда Яннем коротко улыбнулся и сказал:

– Хорошо. Поедем.

Глава 4

Когда запели стрелы, Яннем дремал. Так странно, с его-то хронической бессонницей, со стремительно нарастающей тревогой, втрое усиливавшейся за воротами дворца – но он действительно соскользнул в сон, словно убаюканный мерным покачиванием портшеза. Ему даже успело присниться что-то, хотя и не слишком приятное: он запомнил только, что стоял по колено в жидкой черной слизи, пытаясь выпростать из нее ногу, и что слизь пузырилась и вскипала вокруг его онемевших щиколоток (на самом деле просто неудобно поджал их под себя во сне). А потом он услышал свист, тонкое, звенящее пение стрелы, рассекающей знойный воздух.

И мгновенно проснулся, сев в портшезе прямо.

Он не мог видеть, что происходит снаружи. Королевский портшез, созданный гномами по специальному заказу, был собран из красного дерева и обит снаружи тремя слоями листового железа. Ставни, также обитые железом, запирались изнутри на широкий засов, и единственным источником света служили два крошечных, узких, похожих на бойницы, окошка, забранных каленым гномьим стеклом. Помимо того, портшез был густо опутан коконом защитных чар, отражающих как железо, так и магию. Эти чары плел, разумеется, Брайс – с помощью группы магов, прошедших специальный отбор и колдовавших под его тщательным контролем. Впрочем, Брайс выполнил свою часть работы без особого удовольствия.

– Ты действительно сможешь ездить в этом гробу? – спросил он Яннема, когда портшез был полностью готов, и тот лишь усмехнулся в ответ:

– То, что для тебя гроб, для меня – передвижная крепость, брат.

Брайс покачал головой, хмурясь, но не прекословя. Все чаще именно так оканчивались их разговоры: Брайс хмурился, но не прекословил. Так вышло и с его женитьбой на Катрионе Глендори, и с поездкой на Даргор. И он, видимо, ждал чего-то подобного, передавая Яннему дерзкую просьбу лорда Айвора. Поэтому искренне изумился, когда Яннем просто согласился с ним.

Иногда нужно просто соглашаться с человеком, если пытаешься сохранить его доверие и доказать, что все еще веришь ему.

Портшез действительно был крепостью и весил столько, что четверо сильнейших мужчин из личной гвардии короля не смогли бы поднять его на плечи. Поэтому его закрепили на спинах двух могучих жеребцов, которых вели под уздцы телохранители короля. Еще двадцать телохранителей окружали лошадей и портшез плотным кольцом, и уже вокруг них, растянувшись цепью, в качестве внешнего круга охраны, ехал отряд авраддилов. Выглядело это, надо сказать, впечатляюще: по-прежнему полуголые, с кривыми саблями на боках, на собственных боевых конях, так, что хвост ехавшего впереди был прикреплен к удилам шагавшего позади. Это был более чем странный боевой порядок, но Ингери объяснила Яннему, что авраддилы не сражаются конными – при первых признаках опасности они спешатся и будут действовать как единое целое. Она могла бы еще много любопытного ему порассказать и, безусловно, скрасить скучные часы в одиночестве в пути (за несколько недель их брака Яннем понял, что его жена далеко не глупа, и пока что не решил, как к этому стоит

относиться). Но в последние несколько дней королева Ингери ощущала недомогание по утрам, и хотя лекари пока не могли подтвердить или опровергнуть надежд короля, Яннем все же решил, что ей не стоит понапрасну трястись на горных перевалах. А кроме того, как коронованная супруга монарха, она служила залогом спокойствия в Эрдамаре на время его отсутствия. Его и Брайса. Они впервые за пять лет покидали столицу вместе, одновременно. Леди Катриона, хоть и ослабленная родами, отправилась с ними, в одном портшезе со своим сыном, его кормилицей и одной из фрейлин. Их портшез также защищала магия… но не так надежно, как «передвижную крепость» короля.

Когда засвистели стрелы, Яннем подумал: «Было бы проще… было бы, в самом деле, гораздо проще, если бы…» Он не позволил себе довести до конца эту предательскую мысль; не то чтобы она не мелькала у него бессонными ночами, когда он лежал рядом со своей неподвижной холодной женой, слишком гордой, чтобы плакать после соития, и слишком невинной, чтобы научиться извлекать из него удовольствие. Тьма за окном и тьма в душе наводили на темные мысли, и порой Яннему думалось, в точности вот как подумалось и теперь, что было бы куда проще, если бы какой-то несчастный случай… дерзкое нападение, ограбление на большой дороге…

Но какое ограбление возможно, когда речь о кортеже короля, сопровождаемого братом-магом и двумя сотнями солдат, и это не считая обширной свиты, отряда боевых магов, личной королевской гвардии и воинов-авраддилов? Никто в Митриле не решился бы на такое безумие. Да и за его пределами…

Было удобно, даже комфортно предаваться размышлениям, пока вокруг свистели стрелы, которые, Яннем знал, никак не могут до него достать. Он слышал глухие щелчки наконечников о сталь, которой портшез был обит снаружи: стрелы, без сомнения, заговоренные, причем весьма искусно, раз сумели пробить поставленную Брайсом защиту. Яннем отодвинул бархатную шторку, прикрывающую крошечное окно-бойницу в дверце. Окно было устроено так, что давало ему достаточно неплохой обзор. Кони остановились, но не заволновались – на них наслали надежные отупляющие чары, так что они могли провезти короля через пылающий костер, ступая по горящим углям, и даже не раздуть ноздри. Яннем неподвижным взглядом смотрел, как обнажают мечи его тело-хранители – отборные люди, каждого из которых тщательно проверяли сперва Лорд-дознаватель, потом Брайс, потом он сам. Любой из них не колеблясь отдаст за короля жизнь. И по меньше мере двое из них это сделали, рухнув с седел с пробитой стрелами грудью. Снаружи раздались крики – яростные,

встревоженные, испуганные, и поверх этого – громоподобный голос Брайса, велевший сомкнуть ряды и защищать короля и леди Катриону. Сам он был там, защищенный только доспехами, собственной магией и милостью Светлых богов. Яннем не видел его, но легко мог представить его разгорающееся от предвкушения схватки лицо, изувеченную руку с зажатым в ней клинком – Брайс все еще на удивление ловко управлялся мечом для человека с укороченными пальцами, хотя никто уже не поставил бы на него на турнире. Но он все еще мог сражаться и, главное, жаждал битвы. «Это мой подарок тебе, брат. На рождение сына», – подумал Яннем и на мгновение прикрыл глаза, борясь с искушением откинуться на подушки, закрыть лицо руками и сидеть так, пока все это не закончится.

Он подавил этот малодушный порыв и наклонился вперед, выискивая взглядом авраддилов. Как и предрекала Ингери, при первом признаке опасности они спешились. Их кони, связанные в кольцо, волновались, но не слишком – они тоже были хорошо обучены. Яннем с удивлением увидел, что авраддилы, вместо того чтобы развернуться к неведомому врагу, встают к нему спиной, лицом к охраняемому ими портшезу. Каждый из них положил правую руку на холку своего коня, а левую – на плечо стоящего рядом побратима. Яннем услышал какой-то звук: не ушами, нутром, и его укололо неприятным полузабытым воспоминанием. Вот так же, нутром, а не ушами, он слышал голос Тьмы в подземелье под Бергмаром, когда спустился туда вместе с Брайсом. Но то, что он слышал сейчас, не было голосом Тьмы, хотя, безусловно, имело прямую связь с магией. Звук походил одновременно на гудение крепнущего ветра перед бурей, грохот накатывающего обвала и стон земли во время землетрясения. Они колдуют, понял Яннем. Двадцать пять… точнее, теперь уже двадцать четыре воина-авраддила с диких варварских островов, с их нелепыми кривыми саблями и бронзовой кожей, не холодеющей на морозе. Они не воины на самом деле, они боевые маги. Хорошенький подарочек от женушки на свадьбу, нечего сказать. И ведь ни словом не предупредила!

Яннем больше не слышал голоса Брайса, и это заставило его сердце забиться сильнее. Он понял, что сидит, обеими руками вцепившись в церемониальный меч на поясе, и заставил себя разжать руки. Безумно хотелось скинуть корону и соболиную мантию, выскочить из портшеза, обнажить меч и заорать во всю глотку… но это желание исходило из такой крошечной, почти исчезнувшей его части, что Яннем едва успел его осознать. Разумная, рассудительная часть короля Яннема продолжала холодно наблюдать за происходящим из портшеза. Он видел, как бугрились мускулы на вытянутых руках авраддилов и как гуляли по их бычьим шеям кадыки, пока из горла сквозь сомкнутые губы вырывался

этот низкий, подавляющий звук, от которого начинало ломить в висках. Гвардейцы Яннема покачнулись, хватаясь за первую попавшуюся опору. И те, кто напали на кортеж – Яннем все еще не видел нападавших, и это было очень хорошо, – без сомнения, последовали их примеру. Яннем ощутил подкатывающую к горлу тошноту и подумал: «Умолкните… Заткнитесь… пусть они замолчат!» Он не спросил у Ингери, как отдать такой приказ на даргорянском, и в этот миг пожалел, что все же не взял ее с собой.

– Харрат, – прохрипел он, приблизив лицо к бойнице. А потом крикнул, еле шевеля языком и не слыша своего голоса сквозь этот чудовищный безмолвный гул: – Харра-ат!

Гул смолк, но не сразу – отдалился и постепенно затих, как уходящая гроза. Яннем, очнувшись, с бешеной силой дернул шелковый шнур, свисающий внутри портшеза, и откинул внутренний засов.

Дверь распахнулась, солнечный свет на мгновение ослепил его. Яннем оттолкнул услужливо протянутые к нему руки и сам спрыгнул наземь.

– Где они? – возбужденно спросил он. – Сколько их было? Покажите мне!

Брайс оказался наконец рядом – по-прежнему конный, только-только успевший вложить в ножны меч, который ему так и не довелось сегодня обагрить кровью. Его лицо выглядело напряженным, даже разочарованным, между бровями пролегла глубокая складка. Он, без сомнения, тоже осознал, что даргорянские воины оказались боевыми магами, и наверняка понял в случившемся больше Яннема. Но это могло подождать. Брайс молча указал Яннему вперед, мимо портшеза леди Катрионы, из которого слышался плач проснувшегося младенца и взволнованные вскрики фрейлины – она кричала, что леди Катрионе дурно. Но ни Яннем, ни Брайс не взглянули в их сторону.

Они оба смотрели вверх, на пологие холмы, окружающие дорогу в том месте, где они сейчас ехали. Место для засады было выбрано отлично: дорога здесь становилась узкой, вынуждая кортеж растянуться на пол-лиги длинной неуклюжей змеей. В момент нападения портшез короля окружали только два отряда телохранителей, а все остальные его люди оказались впереди или позади. На холмах густо рос лес, и хотя, разумеется, вдоль дороги выставили охрану, она не смогла помешать людям, засевшим на деревьях вверху, как

белки, и осыпавшим охрану короля градом заговоренных стрел… одна или две из которых теоретически могла попасть в бойницу, но такая вероятность была ничтожно мала. Практически исключена.

Всего стрелков было, как подсчитали позже, сорок восемь человек. Ровно по двое на каждого авраддила. Ни один из которых так и не двинулся с места, пока их немая песнь безошибочно нашла своих жертв, выжгла им разум и остановила сердца. Сорок восемь безымянных наемников валялись под деревьями на холме, точно попадавшие спелые плоды, рядом с собственными луками и стрелами. Все они были мертвы.

Несколько человек из свиты Яннема оказались ранены стрелами, но никто из его приближенных не пострадал, включая и леди Катриону, которая потеряла сознание просто от испуга.

– Недурно, – сказал Яннем, окидывая взглядом своих немых воинов. – Вполне недурно. Брайс, сядь ко мне, поговорим.

Брайс снял перевязь с мечом, отдал оруженосцу и с некоторым трудом забрался в портшез вслед за Яннемом. Места для двоих там было достаточно, хотя закованному в стальные латы Брайсу явно было бы куда удобнее верхом на коне, чем в проседающих мягких подушках. Ничего, потерпит.

Яннем отдал приказ отправляться дальше, дождался, пока Брайс запрет изнутри дверцы и накинет на портшез защитный кокон. Он молчал, глядя в узкое окно на авраддилов, вновь севших на коней и продолживших путь все с тем же каменным, ничего не выражающим выражением, с которым они убивали людей для своего господина.

– Теперь ты, Тьма тебя задери, объяснишь мне, что все это значит? – не выдержал наконец Брайс, и в его голосе Яннем отчетливо услышал с трудом сдерживаемое бешенство.

Брайс стал довольно раздражительным после своей женитьбы. Хотя они спорили теперь меньше, но Яннем видел, как брат от него закрывается, все реже выражая недовольство, но вовсе не потому, что досады становилось меньше. Скорее напротив. Он держал теперь возражения при себе, и до поры до времени это Яннема устраивало. В конце концов, сейчас у них полно других забот. И

общий враг, против которого следует обратить объединенные силы вместо того, чтобы собачиться друг с другом.

Яннем холодно посмотрел на брата.

– Тебе действительно нужны объяснения?

– Ну еще бы. Ты приказываешь мне найти полсотни головорезов, достаточно тупых, чтобы напасть на кортеж короля, и достаточно ловких, чтобы осуществить такое нападение. Сам разрабатываешь план, выбираешь место и время, приказываешь мне лично заговорить стрелы, чтобы они пробили мной же поставленную защиту. И отказываешься отвечать при этом на любой из сотни моих вопросов. Очень здорово, Ян, ты опять меня проверяешь, что ли?

– Не злись, – улыбнулся Яннем. – И не строй из себя дурака. Ты же сразу понял. Да, я проверял, но вовсе не тебя. Как тебе такое вообще в голову пришло?

– И то верно. Если бы ты решил проверить меня, то не сделал бы частью плана.

«Возможно, – подумал Яннем. – Или, зная, что именно так ты и решишь, нарочно посвятил тебя в детали, чтобы усыпить твои подозрения». С минуту они безмолвно смотрели друг на друга, сидя в раскачивающемся портшезе, возобновившем неспешное движение между холмами. Без настороженности, без подозрительности, в целом зная, чего друг от друга ожидать.

В целом. В этом-то и проблема.

– Ты проверял авраддилов. Да? Решил посмотреть, каковы они в бою.

– Вот и расскажи мне, каковы они в бою, Брайс. Я искренне люблю этот маленький уютный гробик, но, сам понимаешь, мне не очень хорошо отсюда виден театр боевых действий.

– Они маги, – отрывисто бросил Брайс, и Яннем сердито мотнул головой:

– Это я и сам понял. Но что это за магия? Ты видел раньше подобное?

– Один раз, – подумав, ответил Брайс. – Пять лет назад на озере Мортаг, когда мы с Иссилдором и еще восемью боевыми магами укрепили и держали лед под орками. Мы тогда так же вставали в круг и ментально соединились в единое целое.

– Ты думаешь, они соединяются в одно целое в момент нападения?

– Да, и не только друг с другом, но и со своими конями. Ингёр ничего не говорила тебе об их лошадях?

– Ингери, – сухо поправил Яннем, и Брайс хмуро глянул на него исподлобья.

– Ингери… словом, она могла знать об этом, но могла и не знать. На Даргоре больше всего ценят коней и корабли. Женщин не посвящают в особенности управления и военные тайны. А личный отряд охраны ярла наверняка держит особенности своих тренировок в секрете.

– И что ты думаешь?

– Я думаю, это не очень хорошо, Ян. С какой стороны ни посмотри. Нет, эти ребята сработали отлично – соединили свои ауры, создали магический концентрат и целенаправленно ударили в тех, кто напал на тебя и угрожал твоей безопасности, не задев никого другого…

– Почти не задев, – поморщился Яннем. – У меня чуть башка не лопнула. Ты слышал этот гул?

– Слышал, и, думаю, сильнее, чем ты, но я мог от него защититься. Хотя не хотел бы я, чтобы эти парни однажды выбрали своей целью меня. В этой магии есть что-то от чар Императора людей, помнишь? Они реагируют на намерения. Соединяясь, они знают, кто желает тебе зла, и уничтожают его. Оружие точечного поражения.

– Но они тебе все же не нравятся?

– Да, потому что они слишком зависимы друг от друга. И от своих коней. Я не знаю, как они будут действовать поодиночке. Хотя в качестве обычных воинов

они, бесспорно, тоже хороши, но и не думаю, что так уж исключительно хороши. Но мне не нравится, что рядом с тобой оказалась такая сила. Пусть и преданная тебе.

– Боишься, что я начну натравливать их на своих врагов? Выпущу в город, как бешеных псов, и перебью с их помощью половину Эрдамара?

– Н-нет, – сказал Брайс, но Яннем знал его слишком хорошо и читал его мысли так, словно они были вытатуированы у него на лбу. – Ты ведь еще не окончательно сошел с ума. По крайней мере, хотелось бы в это верить.

Он слегка улыбнулся – шутка, брат, всего лишь шутка. Но не слишком удачная. Яннем не улыбнулся в ответ. Он откинул шторку с окна-бойницы, глядя на покачивающийся неподалеку портшез леди Катрионы. Стоны и всхлипы оттуда уже не доносились, но все еще слышался детский плач.

– Напугали ребенка, – вздохнул он. – Я иногда себя чувствую настоящим злодеем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/zlotnikov_yuliya/arvendeyl-nechistaya-krov-kniga-2-korni-t-my

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить